

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (45)

2021

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.06.2021.
Выход в свет 15.10.2021.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 7,2.
Тираж 27 экз. Заказ 3-259-21.
Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия; Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия)

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ – ОСНОВА КОРРУПЦИИ Н.А. Боброва, М.А. Власова, В.Г. Позин.....	5
ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ХИЩЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОЙ КАРТЫ А.А. Гончаров, А.И. Бойко.....	14
ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА (СТ. 110 УК РФ): ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Н.Ж. Данилина, Н.Ф. Ангипова.....	20
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ И.А. Кузьмин.....	28
О ФАКТОРАХ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕТОДАХ БОРЬБЫ С НЕЙ А.В. Рамазанов.....	36
ЭЛЕКТРОННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ МВД РОССИИ И В УПК РФ) П.А. Самойлов.....	44
ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ А.Н. Фролов, Д.В. Соколов.....	51
НАШИ АВТОРЫ.....	59

CONTENT

CONFLICT OF INTERESTS IS THE BASIS OF CORRUPTION N.A. Bobrova, M.A. Vlasova, V.G. Posin.....	5
OBJECTIVE SIGNS OF CRIMES AGAINST PROPERTY: THEFT OF FUNDS FROM A BANK CARD A.A. Goncharov, A.I. Boyko.....	14
THE PROBLEMS OF INTERPRETING CERTAIN SIGNS OF THE OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASPECTS OF THE COMPONENTS OF INCITEMENT TO SUICIDE (ARTICLE 110 OF THE RF CRIMINAL CODE): THEORETICAL AND PRACTICAL ANALYSIS N.Zh. Danilina, N.F. Angipova	20
SPECIAL ASPECTS OF INTERRELATIONS, INTERACTION AND CONTRADICTIONS OF LEGAL LIABILITY IN SOME COUNTRIES RELATING TO THE ANGLO-SAXON SYSTEM I.A. Kuzmin	28
CONCERNING THE FACTORS OF CORRUPTION-RELATED CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE METHODS OF COMBATING IT A.V. Ramazanov.....	36
ELECTRONIC CRIME INCIDENT REPORT AS A REASON TO INITIATE A CRIMINAL CASE (THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION IN THE NORMATIVE ACTS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AND THE RF CRIMINAL PROCEDURE CODE) P.A. Samoylov.....	44
TACTICAL ASPECTS OF ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE OFFICERS ON THE PREVENTION OF WRONGS IN THE SPHERE OF FAMILY AND DOMESTIC RELATIONS A.N. Frolov, D.V. Sokolov.....	51
OUR AUTHORS.....	59

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ – ОСНОВА КОРРУПЦИИ

© 2021

Н.А. Боброва, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ
М.А. Власова, аспирант Института права
В.Г. Позин, аспирант Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: коррупция; государственные и муниципальные служащие; конфликт интересов; способы предотвращения конфликта интересов; nepotизм.

Аннотация: Несмотря на неизменный интерес ученых к проблеме коррупции, природа ее первоосновы как антисоциального явления еще недостаточно изучена. В качестве такой первоосновы в статье рассматривается конфликт интересов участников разнообразных общественных отношений, связанных с осуществлением властных полномочий и злоупотреблением ими. Цель статьи – показать природу конфликта интересов в качестве основы такого антисоциального явления, как коррупция, выявить субъективные и объективные причины коррупции. Авторы анализируют пробелы и недостатки современного антикоррупционного законодательства, а также практику его применения. Приводятся конкретные примеры конфликта интересов в разных коррупциогенных сферах и проявлениях, например, в сфере участия экономических субъектов в объявляемых органами государственной власти и органами муниципальной власти тендерах. Рассматриваются юридические и моральные способы предотвращения конфликтов, роль этических норм в предотвращении конфликтов, нормативная основа их предотвращения и урегулирования, соотношение конфликта интересов и квалификации служащего, соотношение понятий материальной и личной заинтересованности, деятельность комиссий по предотвращению конфликта интересов, гарантирующая роль письменной формы уведомления о наличии конфликта интересов, особенности процедуры уведомления, последствия несоблюдения письменной формы уведомления. Показано, что конфликт интересов и коррупциогенные риски устраняются с помощью не только юридических способов, но и моральных, в силу чего имеют особую значимость нравственные качества руководителей и требования, предъявляемые к руководителям государственных и муниципальных органов власти. Получивший чрезвычайное распространение во властных и управленческих структурах nepotизм (родство и семейственность) является распространенной формой конфликта интересов и подрывает нравственные основы государственной и муниципальной службы.

ВВЕДЕНИЕ

Без конфликтов никакой социум не существует. Высказывалось даже мнение, что конфликт и есть двигатель прогресса. Однако важно, как разрешаются конфликты – компромиссными способами или иными, вплоть до устранения одной из сторон. Возникла целая междисциплинарная отрасль научного знания – конфликтология [1], которая активно развивается и в отраслевых юридических науках, например в конституционном праве [2].

В основе коррупционного деликта лежит конфликт интересов лиц, обладающих в связи со своим статусом дополнительным влиянием, которое используется или может быть использовано вопреки интересам государства. Личная заинтересованность служащего при разрешении им различных управленческих ситуаций может привести к необъективности, предвзятости.

Об ответственности за коррупционные деликты пишут российские ученые, освещая понятие коррупциогенных факторов и коррупционных деликтов, виды и проявления коррупционных деликтов [3], проблему законодательного определения коррупционных преступлений в Российской Федерации [4], исследуя само правонарушение в качестве конфликта с ценностями правовой системы [5]. В литературе анализируются вопросы противодействия коррупции в органах государственной власти и особенности антикоррупционного поведения государственных служащих [6; 7]. Российские ученые освещают также вопросы борьбы

с коррупцией в зарубежных странах, анализируя общие для всех стран закономерности борьбы с коррупцией и особенности их проявления в отдельных странах, вопросы предупреждения коррупции в зарубежных странах (в частности, на примере организации деятельности полиции) [8; 9], борьбы с коррупцией на международном уровне, в т. ч. по линии Интерпола [10]. Монографии российских ученых о юридической ответственности, в т. ч. юридической ответственности за коррупционные деликты в России, уже издаются за рубежом [11].

Согласно ст. 6 Закона о противодействии коррупции¹, координирующая функция в системе мер противодействия коррупции принадлежит прокуратуре, чему в научной литературе уделяется особое внимание. Так, М.А. Власова первой написала о том, что именно эта координирующая функция прокуратуры мешала процессам приватизации общенародной собственности, происходившим в России начиная с января 1992 года, в связи с чем сама необходимость прокуратуры была поставлена под сомнение авторами проекта конституции 1993 года и существование прокуратуры было поставлено под угрозу. М.А. Власова впервые написала о том, как Генеральному прокурору РФ А.И. Казаннику удалось убедить Б.Н. Ельцина вернуть в проект конституции упоминание о прокуратуре и сохранить в России институт прокуратуры [12]. В.Н. Галузо и Л.А. Татаров уделили внимание роли прокуратуры в возбуждении

¹ *Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».*

уголовных дел в Российской Федерации, в частности уголовных дел антикоррупционной направленности [13].

Н.А. Боброва исследовала конфликт интересов и семейственность на примере вузов [14], а Е.В. Гулина рассмотрела цели и специальные принципы расследования коррупционных преступлений, совершаемых в сфере деятельности вузов [15].

В качестве одной из причин коррупции называются особенности личности, сопряженные с реализацией должностным лицом волевого акта при выборе мотивации поведения, исходя из: 1) личных интересов; 2) требований закона и морали [16].

Цель статьи – рассмотрение природы конфликта интересов в качестве основы коррупции и одного из важнейших коррупциогенных факторов, определение способов предотвращения, выявления и урегулирования конфликта интересов.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения исследования был использован межотраслевой подход, состоящий в переносе общетеоретической концепции социальных конфликтов в сферу конфликта интересов во власти, а именно в сферу осуществления властных полномочий должностными лицами, государственными и муниципальными служащими, которые, в силу своих разных социальных ролей за пределами властных полномочий, сталкиваются с ситуацией выбора между государственными и иными (личными и корпоративными) интересами.

Исследование проходило в несколько этапов:

- анализ научной литературы в сфере юридической конфликтологии;
- анализ научной литературы в сфере конституционной конфликтологии;
- анализ действующего антикоррупционного законодательства;
- сопоставление понятий конфликта интересов и коррупциогенных факторов, важнейшим из которых является конфликт интересов;
- сопоставление понятий конфликта интересов и злоупотребления властью.

На каждом из этапов научные идеи соотносились с российским антикоррупционным законодательством и примерами его реализации.

Исследованы и обобщены основные проблемы предотвращения, выявления и урегулирования конфликта интересов в органах государственной и муниципальной власти.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коррупциогенные риски конфликта интересов

Конфликт интересов есть ситуация, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью служащего и законными интересами других субъектов, способное привести к причинению им вреда (курсив наш. – Н. Б.).

Конфликт интересов всегда сопряжен с коррупционными рисками. Опасность конфликта интересов состоит в том, что он:

- подрывает основы законности;
- наносит удар по авторитету власти;
- заменяет публичный интерес частным (личным, корпоративным);
- нарушает принципы равенства, открытости, прозрачности в пользу частных интересов государственных и муниципальных служащих, обладающих привилегированным доступом к ресурсам (информационным, финансовым, материальным, административным и т. д.) [17].

Рассмотрим пример (здесь и далее примеры взяты из личного опыта авторов статьи, обобщения реальных фактов, в т. ч. не отраженных в СМИ). Член комиссии по отбору заявок на тендер скрыл факт своего родства с одним из конкурсантов, который в итоге выиграл. Не исключено, что он выиграл бы и в отсутствие данного обстоятельства. О факте родства стало известно проигравшим конкурентам, и они подали в суд заявление с требованием признать результаты тендера недействительными и обязать муниципальный орган отменить решение об итогах проведенного тендера и объявить новый тендер. Суд удовлетворил данное заявление, однако муниципалитет не принял решения о проведении нового тендера, ссылаясь на то, что работы по данному тендеру исполнены.

В данной ситуации имеется ряд интересных моментов. Во-первых, существует институт отвода и самоотвода как средство разрешения конфликта интересов. В результате сокрытия факта родства с конкурсантом член комиссии совершил коррупционный деликт, который, в зависимости от разных обстоятельств (размера нанесенного муниципалитету материального ущерба и вреда репутации, характера вины, полученной лично служащим выгоды), может быть квалифицирован не только как проступок, но и как преступление. Факт утаивания родства является основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения.

Здесь возможно много вариантов. Если выяснится, что выигравший тендер участник подал документы самым последним, буквально в последние часы, и цена на его услуги всего чуть-чуть меньше других предложений, то со всей очевидностью можно предположить, что он знал содержание документов из определенного источника. Вина члена комиссии прямая. Весь его расчет был на то, что никто не узнает о факте родства и конфликте интересов, ибо в противном случае член комиссии заявил бы самоотвод.

Если же член комиссии узнал об участии в тендере своего родственника непосредственно в процессе конкурса, то это иная ситуация, и здесь также возможны варианты: 1) член комиссии утаивает факт родства и голосует за родственника, но при этом, участвуя в голосовании, он может подвести родственника в случае, если во время тендерного отбора и голосования станет известно о факте родства и кто-либо заявит об отводе члена комиссии; 2) член комиссии объявляет о самоотводе.

С точки зрения законодательства и морали последний способ является наиболее одобряемым, но, к сожалению, редко встречающимся на практике.

Более того, на практике выигрыш в тендере обеспечивается другими, более изощренными и корыстными способами: откатами и демпингами. Проследить цепочку «откатных» и «демпинговых» схем очень трудно, и правоохранительные органы предпринимая максимум изобретательности, чтобы их раскрыть (вплоть до оперативных разработок: прослушивания телефонных переговоров подозреваемых лиц и т. п.).

Осенью 2018 г. жителей г. Самары ошеломило известие о привлечении к уголовной ответственности директора образовательного центра за взятку, полученную за содействие в тендере на поставку питания школьников. Поскольку это был не первый случай, когда тендер выигрывала одна и та же организация, последняя стала предметом внимания правоохранителей. Взять коррупционера с поличным было делом времени.

Конфликт интересов и квалификация служащего

Признаком конфликта интересов является не только причинение вреда, но и возможность его причинения. Иногда служащие, находящиеся в ситуации конфликта интересов, ссылаются на то, что ущерба никому не причинено.

Рассмотрим пример из личного депутатского опыта одного из авторов настоящей статьи. Так, в одном из отделов администрации г. Самары на должности, которая по своему функционалу требует юридического образования, трудилась сотрудница Ж. без юридического образования, и многие об этом знали, но молчали, опасаясь негативной реакции заведующего отделом. Некоторые сотрудники отдела, вынужденные постоянно трудиться за другого человека, обратились к депутату (на условиях анонимности) с просьбой запросить копию свидетельства о высшем образовании Ж. В ответ депутат получил отказ со ссылкой на законодательство о защите персональных данных.

Тогда депутат обратился к вышестоящему начальнику – руководителю администрации города с просьбой: 1) предоставить копию свидетельства об образовании Ж.; 2) наказать в дисциплинарном порядке начальника отдела кадров, отказавшего в предоставлении копии; 3) рассмотреть вопрос о соответствии сотрудника Ж. занимаемой должности.

Из ответа за подписью заместителя руководителя администрации города следовало, что депутатское обращение направлено на рассмотрение начальника отдела. В данной ситуации наблюдается целый комплекс правонарушений. Во-первых, начальник отдела кадров нарушил закон о статусе депутата, не предоставив копию документа, относящегося не к защищаемым персональным данным (место жительства, телефон), а к квалификации служащего (квалификация подотчетных лиц может быть предметом контроля). Во-вторых, начальник отдела кадров сам проявил непрофессионализм, не понимая разницы между секретными, охраняемыми и общедоступными персональными данными, а возможно, и личную заинтересованность в сокрытии данной информации, поскольку без визы начальника кадров не заключается ни один трудовой контракт. Возможно, начальник отдела кадров втянут в ситуацию конфликта интересов, как и начальник отдела. В-третьих, действующее законодательство запрещает направлять

жалобы и обращения граждан тем должностным лицам, на которых поступила жалоба.

У депутата в анализируемом случае несколько вариантов дальнейших действий: 1) предать огласке в СМИ данную ситуацию; 2) поднять данный вопрос на заседании соответствующей депутатской комиссии или на заседании представительного органа власти как органа, контролирующего исполнительную власть; 3) обратиться в суд с заявлением о восстановлении законности и наказании виновных лиц в административном порядке; 4) задействовать все три перечисленных способа.

На государственной и муниципальной службе любой конфликт, какой бы характер он ни носил, должен разрешаться на законной, нормативно-правовой основе, тем более что конфликт интересов не только создает благодатную почву для коррупции, но и сам по себе является важнейшим коррупциогенным фактором и элементом коррупции.

Разрешение конфликта по усмотрению начальника возможно, и чаще всего так рабочие конфликты и разрешаются, но только при одном условии – личное усмотрение руководителя не должно противоречить закону и морали. Так, должностное лицо может по своему усмотрению счесть конфликт незначительным, не противоречащим целевым функциям возглавляемого им подразделения и позволить служащему продолжать исполнять служебные обязанности в состоянии конфликта интересов. В таком случае руководитель сам становится соучастником конфликта интересов, легализуя его своим бездействием, а возможно, и личной заинтересованностью.

Материальная и иная личная заинтересованность

Личная заинтересованность служащего может быть не только прямой, материальной, но и косвенной. Речь идет не о непосредственном получении муниципальными служащими доходов, а о создании реальной возможности их получения в различных формах (обмен должностями для родственников и знакомых, получение наград [3; 18], иных преимуществ).

Категория личной заинтересованности в Законе о противодействии коррупции претерпела некоторые изменения по сравнению с понятием, используемым в Федеральном законе «О муниципальной службе в Российской Федерации»² (далее – Закон о муниципальной службе):

1) исключено указание на неосновательное обогащение, и это правильно, ибо использование гражданско-правовой терминологии здесь неуместно;

2) если до этого законодательно закреплялась натуральная форма получения доходов, а также материальная выгода, то в новом законе говорится о получении ценностей, иного имущества или услуг и благ имущественного характера (при этом правоприменитель, определяя характер благ и возможность отнесения их к материальным благам, должен руководствоваться гражданским и налоговым законодательством).

Личная заинтересованность не может трактоваться только как заинтересованность материального порядка. Личная заинтересованность есть стремление должност-

² Федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».

ного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как: семейственность, карьеризм, желание получить взаимную услугу, приукрасить действительное положение, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность³.

Мы солидарны с О.А. Ежуковой, полагающей, что «трактовка личной заинтересованности применительно к ситуации конфликта интересов по аналогии с интерпретацией в уголовном законодательстве отвечала бы задачам законодательства о противодействии коррупции и внесла бы ясность в правоприменительную практику» [19, с. 305].

Вряд ли можно признать удачным используемый в Законе о противодействии коррупции термин «третьи лица», под которыми можно подразумевать всех. Буквальное толкование личной заинтересованности, влекущей возникновение конфликта интересов, позволяет признать в качестве личной заинтересованности такие действия служащего, которые повлекут получение доходов органами государственной власти или организациями (они по отношению к служащему тоже являются третьими лицами). В любом случае требуется уточнение термина «третьи лица». Их, помимо Закона о противодействии коррупции, трактует в качестве получателей дохода Закон о муниципальной службе (ч. 2 ст. 14.1).

Конфликт интересов увязывается с получением не только материальных, но и иных личных выгод. Личная выгода выражается в достижении лицом личных целей, даже если такая выгода не привела к получению материальной выгоды (закон не рассматривает в качестве личной выгоды повышение по службе и объявление благодарности).

Рассмотрим пример, сконструированный на основе фактов, приведенных в коллективной монографии [19], и аналогичных фактов из личного опыта авторов статьи. Служащий К. привлечен к дисциплинарной ответственности за нарушение Закона о противодействии коррупции – владение акциями без их передачи в доверительное управление. Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов установила, что владение акциями в данном случае не могло привести к конфликту интересов, следовательно, не было и оснований для передачи акций в доверительное управление. Суд оставил иск без удовлетворения: нормы законодательства запрещают служащим владеть акциями в период прохождения службы, поэтому доводы истца об отсутствии конфликта интересов не могут быть приняты во внимание.

Способы предотвращения и урегулирования конфликта интересов

Пример. Гражданин Т. обратился в суд с иском к инспекции ФНС РФ и просил признать решение инспекции об отказе в даче согласия на замещение должности в организации недействительным, необоснованным и нарушающим его права и свободы, предусмотренные ст. 37 Конституции РФ и трудовым законода-

тельством. Суд отклонил аргументы истца об отсутствии конкретных фактов, препятствующих замещению им должности в фирме «Х», ибо комиссия может отказать не только при наличии конфликта интересов, но и с целью его предотвращения. Без сомнения, некоторые конституционные права гражданина в данном случае ограничены, но он, как бывший служащий, должен знать, что в течение двух лет после увольнения со службы не вправе без согласия соответствующей комиссии замещать должности в организации, если отдельные функции управления данной организацией входили в его прежние обязанности по службе.

В Законе о противодействии коррупции (ст. 11) говорится о двух субъектах урегулирования конфликта интересов: государственные (муниципальные) служащие и представители нанимателя.

По отношению к первым Закон о противодействии коррупции устанавливает следующие обязанности:

- принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов;
- сразу же уведомить непосредственного начальника о возникновении конфликта интересов (возможности возникновения такового).

Первая из этих обязанностей предполагает долг служащего воздерживаться от контактов с представителями организаций, деятельность которых пересекается с его должностными обязанностями (кроме случаев, когда взаимодействие входит в служебные обязанности), дистанцироваться от личных предпочтений при принятии управленческих решений.

Обязанность информирования о возникновении или реальной угрозе возникновения конфликта интересов появляется у служащего в момент, когда он узнает об этом. На практике реализация данной обязанности, а тем более ответственности за ее неисполнение вызывает трудности. Речь может идти не о злонамеренности служащего и сознательном утаивании им юридически значимой информации, а об оценочном характере понятия «конфликт интересов». Служащий не всегда осознаёт какие-то обстоятельства как конфликт интересов, а тем более угрозу его возникновения.

Возникает коллизия между законами. Закон о муниципальной службе обязывает служащего сообщать о возникновении или угрозе возникновения конфликта интересов представителю нанимателя, а Закон о противодействии коррупции – своему непосредственному начальнику. Это важнейший момент: может возникнуть ситуация, когда служащий сообщает о конфликте интересов нанимателю, действуя в полном соответствии с законом, но при этом – через голову непосредственного начальства, что само по себе влечет конфликт (недовольство начальника). Ведь непосредственный начальник не всегда является представителем нанимателя. В соответствии с ч. 3 ст. 2 Закона о муниципальной службе таковым может быть глава муниципального образования, руководитель органа МСУ, а также иное лицо, уполномоченное исполнять обязанности представителя нанимателя (работодателя).

Перечень конфликтных ситуаций (некоторые авторы именуют их «предконфликтными»), равно как и ситуаций, предполагающих докладывать о них, вряд ли может носить исчерпывающий характер. По мнению А.Ф. Ноздрачёва, «гражданский служащий, замещаю-

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

ший должность, на которой высока вероятность возникновения конфликта интересов (например, должности, связанные с оказанием государственных услуг, лицензированием, регистрацией и т. д.), обязан заявлять представителю нанимателя о характере... своей личной заинтересованности: при своем назначении на должность, при прохождении аттестации, при любом изменении ситуации» [20].

Письменная форма уведомления

Пример. Служащий администрации района, будучи членом конкурсной комиссии на замещение вакантной должности в районной администрации, в письменной форме уведомил главу администрации района о том, что одним из участников конкурса является его дочь, попросив самоотвод. Руководитель администрации заявил, что конкурс – чистая формальность (все конкурсы проходят «под кого-то» с заранее известным результатом), никто об этом не узнает, ведь у дочери другая фамилия. Однако на данный конкурс подал заявление претендент, имеющий более высокую квалификацию, опыт работы и авторитет. Проиграв конкурс, он предал огласке в СМИ факт родства члена комиссии и его дочери-конкурсантки. Основной мишенью публикации в СМИ были не столько отец конкурсантки и она сама, сколько глава администрации, у которого заканчивался срок контракта: в связи с этими компрометирующими обстоятельствами пролонгация контракта была под вопросом. В СМИ был опубликован ответ главы администрации, в котором он отрицал, что ему было известно о факте родства его подчиненных. Глава администрации заверил общественность, что виновные будут наказаны в дисциплинарном порядке. В итоге отец был лишен должности.

Вот почему уведомление о возникновении конфликта интересов или угрозе его возникновения осуществляется в письменной форме, которая является для самого уведомителя гарантией того, что впоследствии его не обвинят в том, что он ни о чем и никого не уведомлял. Иначе он не докажет обратное.

Письменная форма подразумевает определенные правила делопроизводства. Нет смысла в заявлении, которое положено в сейф. Правила делопроизводства предполагают регистрацию документа (с отметкой на втором экземпляре о его принятии). Но в таком случае может возникнуть ситуация, когда достоянием канцелярских работников становится конфиденциальная информация. Остается другой вариант – вручение письменного уведомления непосредственно в руки начальника, но с просьбой расписаться на втором экземпляре. Однако подобный стиль отношений между начальником и подчиненным не принят в деловой среде, и это напрасно.

Неисполнение служащим обязанности уведомлять о наличии конфликта интересов – дисциплинарный проступок со всеми вытекающими последствиями. Однако дисциплинарный проступок предполагает установление вины служащего в результате возбуждения дисциплинарного производства (служебной проверки). Служащий должен подстраховаться письменной формой общения с начальством.

Кроме того, присутствует еще один щекотливый момент, когда конфликт интересов допускают не под-

чиненные, а их начальники, которые принимают на должности своих детей, родственников, земляков, а также детей, супругов и родственников владельцев крупных компаний. Подчиненные молчат, так как могут потерять работу. Принципиального служащего попросят написать заявление об увольнении по собственному желанию.

Другим субъектом, на которого Закон возлагает обязанность принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, является представитель нанимателя. Помимо информации служащего о возникновении у него конфликта интересов (либо информации со стороны его непосредственного начальника), существуют иные виды информации:

- декларации о доходах и другие подаваемые служащими сведения;
- публикации в СМИ;
- результаты служебных проверок;
- заявления пострадавшими от неправомерных действий служащего;
- заявления иных граждан и организаций.

Согласно ст. 17 Закона о противодействии коррупции бывший служащий при заключении нового трудового или гражданско-правового договора должен извещать работодателя о последнем месте своей службы. Несоблюдение данного требования влечет прекращение договора. При этом другой ответственности работник за неуведомление своего нового работодателя не несет, в отличие от последнего, который несет административную ответственность в случае, если он в течение десяти дней не сообщит о заключении договора с таким работником представителю нанимателя служащего по последнему месту его службы (ст. 19.29 КоАП).

Закон о противодействии коррупции (ст. 11) предусматривает способы урегулирования конфликта интересов:

- изменение должностного или служебного положения служащего, являющегося стороной конфликта интересов;
- отказ служащего от выгоды, ставшей причиной конфликта интересов;
- отвод/самоотвод служащего.

Приведем пример. Глава администрации муниципалитета на период работы комиссии по урегулированию конфликта интересов и временного отстранения служащего от исполнения служебных полномочий издал распоряжение о лишении последнего на этот период заработной платы. Однако служащий пожаловался в трудовую инспекцию на том основании, что изменение должностного или служебного положения служащего, являющегося стороной конфликта интересов, может рассматриваться как временная мера, итоги которой будут зависеть от результатов служебной проверки. Временное отстранение происходит на основе ч. 3 ст. 14.1 ФЗ «О муниципальной службе...». Эта мера применяется на период урегулирования конфликта интересов, когда, возможно, выяснится, что конфликта нет. По этой причине закон предусматривает сохранение за служащим денежного содержания на все время отстранения от должности.

Изменение должностного или служебного положения служащего может выражаться в его переводе на другую должность. Постоянный перевод на другую

должность, равно как и изменение условий трудового договора или контракта, допускается только с согласия служащего. Данный способ разрешения конфликта возможен только при двухстороннем волеизъявлении.

Отказ служащего от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта, как способ его урегулирования (самостоятельный или сопряженный с изменением должностного или служебного положения) не исключен при условии, что выгода носит одномоментный характер (в противном случае нельзя гарантировать исчерпанность конфликта). Этот способ также может быть применен лишь при согласии служащего.

Закон не проясняет способа отказа служащего от полученной или предполагаемой выгоды. Возможно, это некое представленное в письменном виде на имя представителя нанимателя обязательство не совершать определенных действий или возратить полученные деньги (имущество), если таковая выгода получена. Остается неясной юридическая сила такого обязательства и последствия его нарушения, не говоря уже о том, что в некоторых случаях возврат невозможен (например, если организация, предоставившая блага, прекратила существование). Требуется конкретизация данного способа урегулирования конфликта в законе или подзаконном акте.

Этические нормы поведения служащих и конфликт интересов

На государственных и муниципальных служащих возложена ответственная миссия выступать проводниками государственной политики, тем более что отныне представительные органы муниципалитетов входят в единую систему публичных представительных органов власти, а исполнительная власть муниципалитетов фактически встроена в результате муниципальной реформы (2014) и конституционной реформы (2020) в систему исполнительной власти соответствующего региона. Авторитет власти базируется на добросовестном, ответственном и профессиональном исполнении служащими своего профессионального долга.

Несомненно, дополнительные обязанности служащих, связанные с конфликтом интересов, в какой-то мере ограничивают отдельные конституционные права служащих, например, свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ). Однако статус служащего как раз и предполагает такие ограничения (при том что имеются и несомненные преимущества статуса служащего).

С другой стороны, даже некоторые ограничения, связанные с предотвращением и урегулированием конфликта интересов, предполагают добросовестные действия служащего по уведомлению своего работодателя о наличии у него личной заинтересованности.

Рассмотрим пример. В холле здания одного из муниципалитетов был установлен большой деревянный ящик с прорезью и надписью: «Для анонимных заявлений о конфликте интересов и иных фактах коррупции». Сотрудники по-разному отнеслись к нововведению: одни заявляли, что анонимные обращения по российскому законодательству рассмотрению не подлежат, а глава муниципалитета парировал тем, что о многих фактах коррупции вообще невозможно узнать иным

способом. Глава муниципалитета заявил также, что существуют разные способы урегулирования конфликта интересов, и он будет использовать все эти способы, в том числе и на основе информации, почерпнутой из анонимных источников.

Этические способы выявления и разрешения конфликта интересов не всегда имеют нормативное закрепление и большей частью зависят от этической культуры руководителей.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Конфликт интересов имеет в своей основе как субъективную, психо-этическую природу (недостатки воспитания и правовой культуры человека, особенности психики т. п.), так и объективные причины: состояние общественных отношений, уровень и объем коррупциогенных факторов, недостатки законодательства и практики его применения.

Говоря о последнем факторе – недостатках законодательства и практики его применения, следует отметить, что имеют место некоторые противоречия в законодательстве, отражающиеся и на практике его применения, например противоречие между Законом о противодействии коррупции, Законом о государственной службе и Законом о муниципальной службе.

Два последних закона следует привести в соответствие с Законом о противодействии коррупции, поскольку применяемый в них термин «неосновательное обогащение» имеет гражданско-правовую природу, относится исключительно к гражданско-правовой терминологии.

Названные законы следует привести в соответствие с Законом о противодействии коррупции и в части уточнения формы получения доходов коррупционного происхождения: законодательно закрепить не только натуральную форму получения доходов и материальную выгоду, но и получение ценностей, иного имущества или услуг и благ имущественного характера.

Возникновение конфликта интересов и связанные с ним коррупциогенные риски неустранимы только с помощью правовых методов. Необходимо сочетание правовых и моральных мер, а главное – исключение родства, семейственности и других форм nepотизма при формировании органов государственной и муниципальной власти.

Этические способы выявления и разрешения конфликта интересов не всегда имеют нормативное закрепление и большей частью зависят от этической культуры руководителя.

Главный акцент следует сделать на процессе формирования аппарата органов и организаций государственной власти, органов и организаций муниципальной власти, в том числе и прежде всего в образовательной сфере, от которой зависит воспитание новых поколений служащих.

Принимаемые в органах власти и организациях кодексы этики (этического поведения) и создаваемые комиссии по предотвращению конфликта интересов должны стать привычным алгоритмом антикоррупционной деятельности, а не простой формальностью для отчета в рамках очередной кампании по борьбе с коррупцией.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В целом проблематика конфликта интересов в системе государственной и муниципальной службы довольно полно регулируется действующим законодательством. Однако оно нуждается в дальнейшем совершенствовании в части запрета всех форм nepотизма, устранения отдельных пробелов, а также противоречий между некоторыми федеральными законами антикоррупционной направленности.

Так, буквальное толкование личной заинтересованности, влекущей возникновение конфликта интересов, позволяет признать в качестве личной заинтересованности такие действия служащего, которые повлекут получение доходов органами государственной или муниципальной власти, государственными или муниципальными организациями, поскольку они по отношению к служащему также являются третьими лицами. В связи с этим требуется уточнение термина «третьи лица», используемого в Законе о муниципальной службе (ч. 2 ст. 14.1). Необходимо исключить данные структуры из понятия «третьи лица».

Следует привести в соответствие с Законом о противодействии коррупции Закон о муниципальной службе, исключив из него термин «неосновательное обогащение», ибо использование гражданско-правовой терминологии в антикоррупционном законодательстве, а также законодательстве о государственной службе и законодательстве о муниципальной службе неуместно.

Закон о муниципальной службе следует привести в соответствие с Законом о противодействии коррупции и в части уточнения формы получения доходов коррупционного происхождения: законодательно закрепить не только натуральную форму получения доходов и материальную выгоду, но и получение ценностей, иного имущества или услуг и благ имущественного характера.

Важно также уточнить в антикоррупционном законодательстве трактовку личной заинтересованности применительно к ситуации конфликта интересов: уточнение должно быть аналогичным интерпретации личной заинтересованности в уголовном законодательстве, что унифицировало бы практику применения антикоррупционного законодательства.

Следует дополнить антикоррупционное законодательство указанием на то, что правоприменитель, трактуя коррупционный характер благ и возможность отнесения их к материальным благам, должен руководствоваться гражданским и налоговым законодательством. Антикоррупционное законодательство необходимо дополнить нормами, исключающими nepотизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права, 1995. 316 с.
- Третьяк И.А. Конституционная конфликтология. М.: Проспект, 2021. 208 с.
- Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М.: Юрлитинформ, 2019. 544 с.
- Беляков А.В., Оганян Н.Г. Проблема законодательного определения коррупционных преступлений в РФ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2. С. 5–9.
- Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Правонарушение как конфликт с ценностями правовой системы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 5–20.
- Ваторопин С.А., Чевтаева Н.Г. Антикоррупционное поведение государственных служащих // Коррупция. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2017. С. 282–293.
- Гришин Д.А., Верховых А.Э. Вопросы противодействия коррупции в органах государственной власти // Вопросы управления. 2018. № 2. С. 21–24.
- Анисимов А.А. Вопросы предупреждения коррупции в некоторых зарубежных странах (на примере организации деятельности полиции) // Конституционализм и государственное управление. 2016. № 2. С. 69–77.
- Lipinsky D., Musatkina A. Social danger of offence in the scientific and legislative definitions in Russia and other countries // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. 8. № 5. P. 1549–1555.
- Никишкин А.В., Степанов И.В., Селезнёв В.И. Международные правовые нормы в сфере противодействия коррупции // Мир политики и социологии. 2018. № 5-6. С. 97–101.
- Lipinsky D.A., Bolgova V.V., Makareyko N.V., Musatkina A.A., Milusheva T.V. Implementation of International Anti-Corruption Standards in Laws and Legal Practices of the Russian Federation. New York: Nova Global, 2020. 165 p.
- Власова М.А. Загадка главы 7 Конституции РФ, или О том, кто спас российскую прокуратуру от ликвидации в 1993 году // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 61–64.
- Галузо В.Н., Татаров Л.А. О роли прокуратуры в возбуждении уголовных дел в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 123–125.
- Боброва Н.А. Конфликт интересов и семейственность – основа коррупции (на примере вузов) // Образование и право. 2018. № 10. С. 234–238.
- Гулина Е.В. Цели и специальные принципы расследования коррупционных преступлений, совершаемых в сфере деятельности вузов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4. С. 162–166.
- Злоказов К.В., Распопин Е.В., Муслумов Р.Р. Отношение между правосознанием и идентичностью личности как индикатор противоправного поведения: опыт эмпирического исследования // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 43–51.
- Ильяков А.Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления // Современное право. 2016. № 4. С. 32–36.
- Боброва Н.А. О коррупционных недостатках критериев и процедур присвоения государственных наград // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 2. С. 23–27.
- Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / под ред. С.А. Авакьяна. М.: Юстицинформ, 2016. 512 с.

20. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и законодательству о гражданской службе зарубежных государств / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: МЦФЭР, 2005. 576 с.
- REFERENCES**
1. Kudryavtsev V.N., ed. *Yuridicheskaya konfliktologiya* [Legal conflictology]. Moscow, Institut gosudarstva i prava Publ., 1995. 316 p.
 2. Tretyak I.A. *Konstitutsionnaya konfliktologiya* [Constitutional conflictology]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 208 p.
 3. Bobrova N.A. *Obshcheteoreticheskiy i mezhotraslevoy aspekty yuridicheskoy otvetstvennosti* [The theoretical and cross-industry aspects of legal liability]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 544 p.
 4. Belyakov A.V., Oganyan N.G. The problem of legislative definition of corruption crimes in the Russian Federation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 2, pp. 5–9.
 5. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. Offence as a conflict with the legal system values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2019, no. 34, pp. 5–20.
 6. Vatoropin S.A., Chevtaeva N.G. Anti-corruption behavior of government employees. *Korrupsiya*. Ekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet Publ., 2017, pp. 282–293.
 7. Grishin D.A., Verkhovykh A.E. Issues of cooperation of corruption in the state authorities bodies. *Voprosy upravleniya*, 2018, no. 2, pp. 21–24.
 8. Anisimov A.A. The prevention of corruption in some foreign countries (for example, the organization of police activity). *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie*, 2016, no. 2, pp. 69–77.
 9. Lipinsky D., Musatkina A. Social danger of offence in the scientific and legislative definitions in Russia and other countries. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2017, vol. 8, no. 5, pp. 1549–1555.
 10. Nikishkin A.V., Stepanov I.V., Seleznev V.I. International anti-corruption laws. *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, no. 5-6, pp. 97–101.
 11. Lipinsky D.A., Bolgova V.V., Makareyko N.V., Musatkina A.A., Milusheva T.V. *Implementation of International Anti-Corruption Standards in Laws and Legal Practices of the Russian Federation*. New York, Nova Global Publ., 2020. 165 p.
 12. Vlasova M.A. The mystery of Chapter 7 of the constitution of the Russian Federation or who saved the Russian prosecutor's office from liquidation in 1993. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2020, no. 10, pp. 61–64.
 13. Galuzo V.N., Tatarov L.A. Institute of education and science – on the role of the prosecutor's office in initiating criminal cases in Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2020, no. 1, pp. 123–125.
 14. Bobrova N.A. Conflict of interest and nepotism – is the basis of corruption (for example of universities). *Obrazovanie i pravo*, 2018, no. 10, pp. 234–238.
 15. Gulina E.V. Goals and special principles investigation of corruption crimes, committed in the field of universities. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2018, no. 4, pp. 162–166.
 16. Zlokazov K.V., Raspopin E.V., Muslumov P.P. The relation between legal awareness and personal identity as an indicator of illegal behavior: the experience of empirical study. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2017, no. 2, pp. 43–51.
 17. Ilyakov A.D. Conflict of interests settlement as the main way of corruption prevention in the field of public administration. *Sovremennoe pravo*, 2016, no. 4, pp. 32–36.
 18. Bobrova N.A. On corruptogenic drawbacks of criteria of and procedures for national award presentation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2019, no. 2, pp. 23–27.
 19. Avakyan S.A., ed. *Protivodeystvie korrupsii: konstitutsionno-pravovye podkhody* [Fight against corruption: constitutional-legal approaches]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2016. 512 p.
 20. Nozdachev A.F., ed. *Kommentariy k Federalnomu zakonu "O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Rossiyskoy Federatsii" i zakonodatelstvu o grazhdanskoj sluzhbe zarubezhnykh gosudarstv* [Comments to Federal law "On the public service of the Russian Federation" and the legislation on the public services of foreign countries]. Moscow, MTsFER Publ., 2005. 576 p.

CONFLICT OF INTERESTS IS THE BASIS OF CORRUPTION

© 2021

N.A. Bobrova, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair "Constitutional and Administrative Law", honored lawyer of the Russian Federation

M.A. Vlasova, postgraduate student of the Institute of Law

V.G. Posin, postgraduate student of the Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: corruption; state and municipal officials; conflict of interests; ways of prevention of a conflict of interests; nepotism.

Abstract: Despite the permanent interest of scientists in the issue of corruption, the nature of its basics as an anti-social phenomenon remains understudied. As such principle, the paper considers the conflict of interests of participants in various public relations related to the exercise and abuse of power. The paper aims at showing the nature of the conflict of interests as the basis of such anti-social phenomenon as corruption, identifying subjective and objective causes of corruption. The authors analyze the gaps and weaknesses of current anti-corruption legislation and the practice of its application. The paper gives specific examples of a conflict of interests in various corruptogenic spheres and manifestations, for instance, in the sphere of economic entities' participation in tenders announced by state and municipal authorities. The authors consider

the legal and moral ways of preventing conflicts, the role of ethical norms in preventing conflicts, the legal framework of their prevention and resolution, the ratio of the conflict of interests and the employee's qualification, the relationship between the material and personal interest, the activities of commissions for preventing a conflict of interests guaranteeing the role of written notification of a conflict of interests, special aspects of the notification procedure, and the consequences of non-compliance with the written notification. The study shows that a conflict of interests and corruption risks are eliminated both through legal means and moral ones, whereby the moral qualities of leaders and the requirements imposed on the heads of state and municipal authorities are of particular importance. Nepotism, increasingly prevalent in power and management structures (kinship and clientelism), is a common form of a conflict of interests, which undermines the moral foundations of public and municipal service.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ХИЩЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОЙ КАРТЫ

© 2021

А.А. Гончаров, аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону (Россия)

А.И. Бойко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону (Россия)

Ключевые слова: хищение; состав преступления; банковская карта; мошенничество; признаки преступления; третьи лица.

Аннотация: Актуальность научного исследования обусловлена в первую очередь повсеместным переходом общества на систему безналичных расчетов. Физические деньги заменяются виртуальными, доступ к которым предоставляется дистанционно, и в некоторых ситуациях злоумышленнику становится гораздо проще завладеть безналичными средствами, чем похитить наличные деньги у потенциальной жертвы. За последние два десятка лет успешно применяется огромное количество способов, позволяющих преступнику не только завладеть персональной информацией другого лица – держателя банковской карты, но и в последующем похитить денежные средства с личного счета владельца. В статье определены объективные признаки преступления против собственности и перечень признаков, характерных для хищения денежных средств с банковской карты. Разграничены объективные признаки двух составов преступлений, которые могут подпадать под определение хищения денежных средств с банковской карты: кражи с банковского счета, а также мошенничества с использованием электронных средств платежа. Сделан вывод о том, что хищение денежных средств с банковской карты путем совершения мошеннических действий возможно только при вступлении в контакт с третьим лицом. Фактическое присутствие другого лица (потерпевшего или сотрудника кредитной, банковской, торговой, или иной организации) и взаимодействие преступника с ним является обязательным условием для квалификации преступления как мошенничества. Любые действия, направленные на противоправное изъятие безналичных денежных средств, не сопровождающиеся прямым контактом с третьим лицом, должны быть квалифицированы как кража.

ВВЕДЕНИЕ

Квалификация преступлений против собственности, в особенности хищений денежных средств с банковской карты, на практике вызывает ряд трудностей, которые связаны как с не в полной мере проработанной законодательной базой, так и с высоким темпом развития технологий в мире, оказывающим непосредственное влияние на способы совершения киберпреступлений.

Действующая структура уголовного закона, определяющая основной состав хищения денежных средств с банковской карты, несовершенна как в части диспозиции, так и в части санкции за совершенное преступление [1]. В исследованиях по данной теме справедливо акцентируется внимание на актуальности проблемы, однако во многих работах способы хищения средств с карты (форма кражи и форма мошенничества) рассматриваются отдельно друг от друга [2]. Различные исследования на фоне меняющегося законодательства или уже не соответствуют действующим уголовно-правовым нормам, или являются неполными и рассматривают проблему только со стороны отдельных видов преступлений. Мошенничество с использованием банковских карт признается наиболее вероятным риском для держателя и самым распространенным способом похитить электронные средства [3], в то время как кража денежных средств с банковского счета также не остается без внимания. Хищение в форме кражи хотя и уступает мошенничеству по количеству совершенных преступлений, однако превосходит первое по числу способов завладеть или самой картой, или персональными данными, которые позволяют злоумышленнику

похитить средства [4]. Зачастую авторы углубляются в особенности каждого отдельного вида преступления, не предлагают путей разрешения возникающих в процессе исследования противоречий между формами хищения собственности, рассматривая только преступные схемы хищений денежных средств с банковских карт или лицевых счетов [5]. Именно поэтому проблема разграничения хищений денежных средств с банковской карты в виде кражи и в виде мошенничества является актуальной для правоприменителя.

Между тем анализ различных источников позволил констатировать факт недостаточного внимания исследователей к вопросам отличительных признаков объективной стороны смежных составов преступлений, имеющих признаки хищения. Ряд схожих и отличительных черт смежных преступлений приводится авторами научных трудов в рамках изучения судебной практики [6], однако меры по совершенствованию уголовного законодательства не предлагаются.

Законодательно понятие «объективная сторона» не получило закрепления и встречается только в учебной и научной литературе. Определение объективной и субъективной сторон преступления с соответствующим разделением поведения человека необходимо в познавательных целях для более глубокого изучения явлений и обстоятельств, то есть в научных и, конечно же, учебных целях. Изучение объективной стороны играет и значительную прикладную роль, ведь зачастую сложно отграничить одно преступление от другого, схожего с ним, и изучение, например, субъективных признаков деяния не возымеет должного результата. В такой ситуации нужно всесторонне проанализировать признаки

именно объективной стороны преступления или объективной стороны состава преступления.

Все признаки, характеризующие общественно опасное деяние как преступление, образуют состав преступления. Объективная сторона, как его часть, характеризуется совокупностью только тех определенных в уголовном законе признаков, которые могут характеризовать преступление с внешней стороны. Внешним проявлением преступления принято считать непосредственно поведенческое виновного, направленное на причинение вреда либо угрозу его причинения охраняемым законом объектам в конкретное время, в конкретном месте, при конкретных условиях.

В уголовно-правовой теории и, конечно же, учебной литературе можно встретить два на первый взгляд одинаковых понятия: «объективная сторона преступления» и «объективная сторона состава преступления». Ряд исследователей указывают на схожесть определений двух понятий [7], вторая группа ученых разделяет и даже противопоставляет упомянутые определения [8]. Третий вариант научной мысли сводится к тому, что объективная сторона преступления и объективная сторона состава преступления являются неразделимыми, не существующими друг без друга понятиями, характеризующими две стороны отдельно взятого явления [9]. Понятие «признаки состава преступления», будь то объективная или субъективная сторона, в первую очередь связано с законом и несет под собой описание непосредственно преступления, закрепленного в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Признаками преступления называют признаки определенного, отдельно взятого деяния, уже совершенного в реальности. Немаловажным является тот факт, что любое совершенное деяние, признаваемое преступлением, должно иметь все признаки вменяемого виновному состава преступления, предусмотренного УК РФ. Таким образом, два упомянутых выше понятия являются неразделимыми и существовать друг без друга не могут, с чем склонны согласиться и мы.

Цель исследования – всестороннее изучение каждой отдельной формы хищения безналичных денежных средств и объективной стороны такой группы преступлений, как хищения денежных средств с банковской карты.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования проанализированы научная литература по теме, юридическая практика, статистические данные и отчеты правоохранительных органов и банковских организаций.

В качестве основного метода исследования выбран диалектический метод познания. Кроме того, при анализе предмета исследования успешно применялись частнонаучные методы: логический, сравнительно-правовой, социологический.

В ходе исследования проанализированы признаки такой группы преступлений, как хищение. Определены отличительные признаки кражи и мошенничества, изучена объективная сторона данных преступлений. Выявлены особенности объективной стороны хищения безналичных денежных средств, рассмотрены особенности

хищения денежных средств с банковской карты как в форме кражи, так и в форме мошенничества.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании исследования проблемы объективной стороны преступления делаем вывод о том, что в зависимости от части уголовного права или в зависимости от контекста понятие «объективная сторона преступления» может употребляться в разных смыслах. Так, Общая часть уголовно-правовой отрасли понимает объективную сторону как совокупность признаков, характеризующих абстрактное, конкретно не определенное деяние, признаки которого могут быть присущи всем преступлениям, т. е. характерны для значительной части различных преступных деяний. Например, противоправное изъятие имущества с причинением имущественного ущерба является характерной чертой и обязательным признаком любого преступления, относящегося к такой группе преступлений, как хищение. Особенная часть, в свою очередь, объективной стороной называет внешнее проявление непосредственного, конкретно описанного в статье УК РФ преступления. Согласно теории уголовного права, объективная сторона каждого отдельного преступления всегда содержит признаки, присущие только этому противоправному деянию. Например, согласно ч. 1 ст. 158 УК РФ, кражей признается тайное хищение чужого имущества, объективной стороной такого состава, как кража, является противоправное, тайное для собственника изъятие имущества в свою пользу или в пользу третьих лиц, вследствие чего потерпевшему причиняется ущерб.

Правильная квалификация, а также назначение справедливого наказания невозможно без скрупулезного установления всех признаков объективной стороны состава преступления. Рассмотрев базовое понятие объективной стороны преступления, перейдем к детальному изучению объективной стороны такой группы преступлений, как хищение [10].

Хищение является родовым понятием и включает такие виды преступлений, как кража, мошенничество, грабеж, разбой, а также другие корыстные преступления против собственности, имеющие как схожие, так и различные признаки элементов состава преступления. Обратимся к законодательному определению хищения. Согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ, хищением признается «совершенное с корыстной целью, противоправное, безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Выделим перечень признаков, свойственных обозначенной группе преступлений:

- 1) предмет преступного посягательства – всегда чужое имущество;
- 2) обязательно сопровождается изъятием чужого имущества, которое возможно как в пользу виновного, так и в пользу третьих лиц;
- 3) обращение, то есть использование чужого имущества в интересах или виновного или других лиц;
- 4) противоправность, то есть несоответствие нормам права изъятия чужого имущества;
- 5) безвозмездность изъятия чужого имущества;

б) причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества;

7) корыстная цель, то есть желание извлечь незаконную имущественную выгоду.

Родовой объект является общим для всех преступлений против собственности, и, как следствие, всех преступлений, подпадающих под определение хищения по УК РФ. Родовым объектом для такого вида преступлений признается группа общественных отношений, обеспечивающих корректное, здоровое и полноценное функционирование экономики всей страны как целостной системы ее отраслей и секторов [10].

Говоря о видовом объекте, отметим, что для любого хищения характерно противоправное вмешательство в сферу отношений собственности, где каждое лицо имеет право на владение, пользование, распоряжение имуществом, находящимся во временном пользовании или на правах собственности.

Непосредственным объектом хищения является конкретная форма собственности: частная, муниципальная, государственная или иная.

Таким образом, объективными признаками хищения можно назвать следующие:

1) незаконное, безвозмездное изъятие виновным имущества из владения собственника или иного лица, совершенное любым указанным в законе способом;

2) обращение изъятых имущества в пользу виновного или третьих лиц;

3) причинение посредством изъятия и обращения имущества ущерба собственнику или иному владельцу;

4) причинно-следственная связь между изъятием имущества и материальным ущербом для его собственника или владельца [11].

Необходимо разграничить объективные признаки двух составов преступлений, которые могут подпадать под определение хищения денежных средств с банковской карты: это кража, то есть кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), и мошенничество, то есть мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Как отмечают исследователи [12], грань между кражей и мошенничеством достаточно трудно различима. Смежность указанных преступлений проявляется в первую очередь в объекте и предмете преступного посягательства, что приводит к необходимости сравнивать объективные стороны совершенных преступлений.

Детальное сравнение объективной стороны хищения денежных средств с банковской карты, совершенного путем кражи и путем мошенничества, позволяет выявить как общие, так и специфические, характерные для каждого отдельно взятого состава преступления, признаки. И кража, и мошенничество, являясь разновидностью преступлений против собственности, содержат все признаки, относящиеся к хищению в широком смысле. В частности, родовой, видовой и непосредственный объекты кражи и мошенничества по своей сущности полностью идентичны рассмотренным выше объектам хищения.

Анализируя структуру элементов объективной стороны преступления, обратимся к двум главным ее составляющим – деянию и способу его совершения. Исследование данных признаков помогает установить

главное отличие хищения денежных средств с банковской карты в виде кражи от хищения в виде мошенничества [13].

Составы кражи и мошенничества являются материальными составами преступления. Материальный состав подразумевает, что преступление будет считаться оконченным только с момента наступления преступного результата. Если же действия, направленные на достижение преступного результата, не привели к его наступлению, то и состава оконченного преступления также не будет, а виновный понесет ответственность только за покушение на преступление¹.

Кража, как тайный вид хищения чужого имущества, не сопровождается непосредственным контактом между потерпевшим и преступником в процессе совершения преступления и непосредственно хищения средств с банковской карты или счета, в отличие от мошенничества, когда злоумышленник вступает во взаимодействие, например, с владельцем карты или счета, сотрудником торговой, банковской или иной организации. Данное отличие свидетельствует о том, что у рассматриваемых видов хищения, несмотря на схожие базовые признаки объективной стороны, абсолютно разные способы совершения преступления [14].

Кража всегда совершается тайно для владельца или собственника имущества, например, когда владельца нет рядом, а также тайно и незаметно для посторонних присутствующих людей. Кража может быть совершена и в присутствии владельца, однако тот не может осознавать преступного характера действий виновного лица или вовсе не замечает их. Может возникнуть ситуация, когда в процессе кражи действия виновного являются открытыми для присутствующих, которые, являясь, например, близкими родственниками, ожидаемо для виновного не оказывают сопротивления. Подобные деяния также должны квалифицироваться как кража [14].

Выделим основные юридически значимые признаки объективной стороны кражи:

1) обязательно тайный характер действий, включающий в себя изъятие чужого имущества и его дальнейшее обращение в пользу виновного или третьих лиц;

2) в результате преступных действий наступают последствия в виде причиненного ущерба собственнику или владельцу украденного имущества;

3) присутствует причинно-следственная связь между действиями преступника и наступившими в результате его действий последствиями.

Ситуация, в которой злоумышленник снимает в банкомате деньги с украденной или утерянной владельцем банковской карты без участия работника банковской организации, выступает ярким примером хищения денежных средств с банковской карты, совершенного путем кражи. Действия виновного происходят тайно, в отсутствие владельца карты и других лиц. Преступник не вступает во взаимодействие с третьими лицами, а также не обращается к сотруднику банка, что исключает квалификацию преступления как мошенничества. При успешном снятии наличных средств причиняется реальный ущерб владельцу счета, что образует прямую

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

причинную связь между действиями виновного и наступлением последствий в виде ущерба другому лицу [16].

Главной особенностью объективной стороны мошенничества, отличающей его от кражи, является характер действий, выражающийся в обмане или злоупотреблении доверием. В настоящее время отсутствует законодательно закрепленное определение понятия «обман». Верховный суд РФ разъясняет в положениях, что следует понимать под словом обман в рамках уголовного судопроизводства. Так, «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»².

Совершение мошенничества возможно только при вступлении в контакт с третьим лицом, то есть фактическое присутствие другого лица и взаимодействие преступника с ним является обязательным условием для квалификации преступления как мошенничества. Примером хищения средств с банковской карты в виде мошенничества может выступать ситуация, в которой злоумышленник расплачивается чужой банковской картой в любом торговом предприятии, заведомо ложно выдавая себя или своего родственника за владельца пластикового продукта [17]. Важно учитывать тот факт, что преступлением такого рода деяние будет признаваться только в ситуации, когда держатель карты не предоставил никаких прав для распоряжения денежными средствами виновному.

Специальным квалифицированным видом мошенничества является преступление, имеющее признаки состава преступления по ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Законодатель намеренно выделяет отдельный состав преступления, так как совершить данный вид мошенничества возможно только посредством современных компьютерных технологий³.

Объектом преступления по указанной статье выступают общественные отношения в сфере обмена электронными документами, базами данных и программным обеспечением. Как и любой вид мошенничества, мошенничество в сфере компьютерной информации является видом хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [18].

Объективной стороной рассматриваемого преступления является хищение чужого имущества, совершенное путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмеша-

тельства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Оконченным преступление по ст. 159.6 УК РФ считается после получения преступником суммы денег, чужого имущества или же после приобретения права пользоваться и распоряжаться деньгами или имуществом. Сам факт любого вмешательства в функционирование современных компьютерных систем, а также любые изменения компьютерной информации могут не образовывать состав оконченного преступления, но содержать признаки приготовления или покушения на преступление, если виновному не удалось в результате преступных действий получить в распоряжение чужое имущество [19].

Детальный анализ законодательства по теме исследования отсылает нас к ст. 845 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая предусматривает круг субъектов договора банковского счета. Такими субъектами могут являться банки (банковские организации), а также иные участники гражданско-правовых отношений, к которым ГК РФ относит физических и юридических лиц. Предметом упомянутого договора банковского счета всегда выступают наличные денежные средства, которые ст. 128 ГК РФ относит к имуществу, либо безналичные денежные средства, которые относятся к имущественным правам, согласно той же статье. Что же касается электронных денежных средств, то по Федеральному закону от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» субъектами правоотношений с использованием таких средств выступают как физические, так и юридические лица⁴. Согласно указанному положению закона, при хищении денежных средств с банковской карты потерпевшим может являться как физическое, так и юридическое лицо, в зависимости от условий договора, заключенного между банком-эмитентом и владельцем банковской карты. Так, если карта является дебетовой и допускается использование только личных средств владельца, то ущерб понесет физическое лицо, со счета которого были похищены средства. Если же заключен кредитный договор и допускается использование средств в рамках кредитного лимита, потерпевшим будет признаваться как физическое, так и юридическое лицо [20].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Основными юридически значимыми признаками объективной стороны кражи, в том числе кражи денежных средств с банковской карты, счета, или кражи электронных денежных средств, являются:

- обязательно тайный характер действий, включающий в себя изъятие чужого имущества и его дальнейшее обращение в пользу виновного или третьих лиц;
- наступление последствий в результате преступных действий в виде причиненного ущерба собственнику или владельцу украденного имущества;
- причинно-следственная связь между действиями преступника и наступившими в результате его действий последствиями.

² См. 1.

³ Отчет Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере // Ассоциация российских банков. URL: https://arb.ru/banks/analitvcs/otchet_tsentra_monitoringa_i_reagirovaniya_na_kompyuternye_s_31_08_2019_po_1_09_-10329273/.

⁴ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Главной особенностью объективной стороны мошенничества как открытого завладения чужим имуществом, отличающей его от кражи, является характер действий, выражающийся в обмане или злоупотреблении доверием.

Совершение мошенничества возможно только при вступлении в контакт с третьим лицом, что справедливо и для хищения путем мошенничества безналичных денежных средств. Фактическое присутствие другого лица, будь то сотрудник кредитной, торговой, иной организации или сам владелец денежных средств, и прямое взаимодействие преступника с ним является обязательным условием для квалификации преступления как мошенничества. Немаловажным обстоятельством является и тот факт, что предоставление держателем карты каких-либо прав на распоряжение денежными средствами исключает преступность деяния.

ВЫВОДЫ

Объективная сторона всех форм хищения денежных средств с банковской карты (тайное – п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, открытое – ст. 159.3 или 159.6 УК РФ) имеет схожие, зачастую идентичные признаки, однако именно умысел и характер действий преступника имеет большое значение для установления факта совершения преступного деяния, правильной квалификации преступления и последующего назначения наказания. Хотя кража и мошенничество признаются равнозначными по степени общественной опасности преступлениями, ответственность по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и по ст. 159.3 и 159.6 УК РФ значительно отличается, что требует от правоприменителя тщательного анализа объективной стороны в каждом конкретном случае дистанционного хищения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кулаков Е.К. Кража с использованием платежных карт // Уголовное право, уголовный закон. Теория и практика: сборник научных статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 335–339.
- Филатова М.А. Разграничение посягательств на безналичные денежные средства по формам хищения // Уголовное право. 2020. № 1. С. 85–92.
- Захаров В.С., Семенов А.Н. Мошенничество с использованием банковских карт // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 1. С. 57–63.
- Тюнин В.И., Степанов Ю.И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (криминализации и квалификация преступления) // Российский следователь. 2021. № 3. С. 41–45.
- Введенская О.Ю. Современные способы хищений денежных средств с банковских карт // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 115–122.
- Карпов К.Н. Особенности квалификации хищений с банковского счета либо электронных денежных

средств // Вестник Омского университета. Серия: право. 2019. Т. 16. № 3. С. 138–145.

- Фомин П.П. Предмет и признаки объективной стороны состава преступления: проблемы взаимосвязи и разграничения // Вестник Луганской Академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2018. № 1. С. 146–156.
- Хиллота В.В. Проблемы определения объективной стороны хищения // Право и образование. 2014. № 10. С. 124–134.
- Шкеле М.В. Объективная сторона преступления // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 119–138.
- Шагиева Р.В. Теоретические основы исследования финансовой деятельности в науке финансового права // Административное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 375–383.
- Руднев А. Квалификация тайного хищения чужого имущества по КОАП и УК // Законность. 2006. № 1. С. 44–45.
- Петров С.А. Проблемы квалификации хищений безналичных денег // Законность. 2020. № 7. С. 42–45.
- Соктоев З.Б. О понятии преступления, уголовного проступка и преступного деяния // Судья. 2016. № 6. С. 37–40.
- Сверчков В.В. Преступления против собственности. Система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства. М.: Юрайт, 2018. 210 с.
- Нафиков М.М. Проблемы квалификации краж // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2014. Т. 10. С. 158–161.
- Турышев А.А. Квалификация хищений с использованием банкоматов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 46–49.
- Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Книга I. Общетеоретическое исследование посягательств на собственность. М.: Юрлитинформ, 2019. 296 с.
- Шестаков В.А. О некоторых вопросах применения в современных условиях судами уголовно-правовых норм, содержащих неспециальные составы мошенничества, присвоения и растраты // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 3. С. 178–183.
- Шульга А.В. Хищения с использованием банковских платежных карт: вопросы квалификации // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 21–25.
- Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А., Решняк О.А. Содержание некоторых признаков объективной стороны мошенничества с использованием пластиковых карт // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 25–28.

REFERENCES

- Kulakov E.K. Theft using payment cards. *Ugolovnoe pravo, ugovolnyy zakon. Teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statey*. Sankt Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskij universitet Publ., 2017, pp. 335–339.
- Filatova M.A. Differentiation between attempted cashless funds according to the forms of misappropriation. *Ugolovnoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 85–92.

3. Zakharov V.S., Semenov A.N. Fraud using bank cards. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2018, no. 1, pp. 57–63.
4. Tyunin V.I., Stepanov Yu.I. Theft from a bank account and theft of electronic money (offense criminalization and qualification). *Rossiyskiy sledovatel*, 2021, no. 3, pp. 41–45.
5. Vvedenskaya O.Yu. Modern ways to steal money from banks cards. *Prestupnost v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy*, 2017, no. 1, pp. 115–122.
6. Karpov K.N. Peculiarities of qualification of theft in bank account or any electronic money. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: pravo*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 138–145.
7. Fomin P.P. The subject and signs of the objective side of the corpus delicti: the problems of interconnection and delineation. *Vestnik Luganskoy Akademii vnutrennikh del imeni E.A. Didorenko*, 2018, no. 1, pp. 146–156.
8. Khilyuta V.V. Problems of definition objective side theft. *Pravo i obrazovanie*, 2014, no. 10, pp. 124–134.
9. Shkele M.V. The objective side of the crime. Lecture. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost*, 2019, no. 4, pp. 119–138.
10. Shagieva R.V. Theoretical foundations of financial activity research in the science of Financial Law. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2014, no. 4, pp. 375–383.
11. Rudnev A. Classification of covert embezzlement of the property of another according to the Administrative Offense Code and Criminal Code. *Zakonnost*, 2006, no. 1, pp. 44–45.
12. Petrov S.A. The problems of classification of embezzlement of non-cash funds. *Zakonnost*, 2020, no. 7, pp. 42–45.
13. Soktoev Z.B. About the concepts of a crime, criminal infraction, and criminal act. *Sudya*, 2016, no. 6, pp. 37–40.
14. Sverchkov V.V. *Prestupleniya protiv sobstvennosti. Sistema, yuridicheskaya kharakteristika, osobennosti i problemy primeneniya ugovnogo zakonodatelstva* [Crimes against property. System, legal characteristics, special aspects and the problems of application of criminal legislation]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 210 p.
15. Nafikov M.M. The problems of classification of thefts. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya"*, 2014, vol. 10, pp. 158–161.
16. Turyshev A.A. Qualifications of misappropriation with using atms. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 6, pp. 46–49.
17. Lopashenko N.A. *Prestupleniya protiv sobstvennosti. Obshcheteoreticheskoe issledovanie posyagatelstv na sobstvennost* [Crimes against property. Book 1. General theoretical research of attacks on property]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. Kn. I, 296 p.
18. Shestakov V.A. On some issues of application by courts, in modern conditions, of criminal legal rules containing non-special elements of fraud, embezzlement and wasteful spending. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii*, 2018, no. 3, pp. 178–183.
19. Shulga A.B. Theft with use of bank payment cards: issues of qualification. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2016, no. 11, pp. 21–25.
20. Likholetov A.A., Likholetov E.A., Reshnyak O.A. The content of some characteristics of the objective side of fraud with plastic cards. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2018, no. 4, pp. 25–28.

OBJECTIVE SIGNS OF CRIMES AGAINST PROPERTY: THEFT OF FUNDS FROM A BANK CARD

© 2021

A.A. Goncharov, postgraduate student of Chair of Criminal and Penal Law, Criminology
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don (Russia)

A.I. Boyko, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Chair of Criminal Disciplines
*South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don (Russia)*

Keywords: theft; corpus delicti; bank card; fraud; essential elements of a crime; third parties.

Abstract: The relevance of scientific research is caused primarily by the general transition of the society to the funds' transfer network. Physical money is replaced by virtual one, the access to which is granted remotely. Therefore, in some situations, a lawbreaker can gain possession of non-cash resources far easier than stealing the cash of a possible victim. For the past two decades, lawbreakers successfully apply lots of ways allowing a lawbreaker both to possess personal information of another person – bank cardholder and, subsequently, to steal money from a holder's account. The paper determines the objective signs of a crime against property and the list of attributes typical for stealing money funds from a bank card. The authors distinguish the objective signs of two bodies of a crime, which can fall within the definition of embezzlement from a bank card: a theft from a bank account, and fraud using electronic payment facilities. The authors conclude that the embezzlement from a bank card throw the commission of fraudulent acts is possible only when interacting with a third party. The actual presence of another person (a victim or an employee of credit, bank, commercial, or other organization) and the interaction of a criminal with this person is a prerequisite for classifying a crime as a fraud. Any actions aimed at the unlawful seizure of non-cash monetary assets and not accompanied by direct contact with a third party should be classified as theft.

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА (СТ. 110 УК РФ): ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2021

Н.Ж. Данилина, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»

Н.Ф. Ангинова, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: суицид; самоубийство; доведение до самоубийства; неосторожная форма вины; способы совершения преступления; субъективная сторона преступления; общественно опасные последствия; угроза как способ совершения доведения до самоубийства.

Аннотация: Россия входит в десятку лидеров по числу самоубийств на душу населения. Причины, по которым человек принимает решение об уходе из жизни, множество. Часто это результат длительных проблем и переживаний, с которыми человек не мог справиться. Причинами суицида могут быть и действия других лиц, в том числе и криминальные, квалифицируемые уголовным законом как доведение до самоубийства. Неточность формулировки диспозиции в статье о доведении до самоубийства или покушения на самоубийство (ст. 110 УК РФ) вызывает споры в научном сообществе и определенные трудности в правоприменительной деятельности. Статья посвящена изучению проблем дефиниции отдельных объективных и субъективных признаков доведения до самоубийства и поиску путей их разрешения. Рассмотрены различные позиции авторов толкования понятия объективных и субъективных признаков – угрозы как способа доведения до самоубийства, формы вины данного преступления, а также проанализированы причины противоречивой судебной практики при их определении. Проведенный анализ позволил авторам дифференцировать уголовную ответственность лица, совершившего преступление, с учетом принципа справедливости. Предлагается внести изменения в диспозицию ст. 110 УК РФ, выделив в отдельные части умышленные действия, направленные на доведение до самоубийства, и неосторожность и умысел по отношению к последствиям; добавить в указанную статью особо квалифицирующий признак в виде умышленных действий, повлекших самоубийство либо покушение на самоубийство малолетнего и невменяемого лица, а также в ст. 163 УК РФ (вымогательство) особо квалифицирующий признак в виде наступления по неосторожности тяжких последствий, в том числе и самоубийства.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в России, переход к гражданскому обществу и развитие правового государства характеризуются не только положительными тенденциями. Процесс развития современного российского общества сопровождается ростом острых негативных социальных явлений, культурных деформаций, обострением социальных противоречий, распространением межличностных и межгрупповых конфликтов. Указанные тенденции сопровождаются коммерциализацией всех сфер общественной жизни, поляризацией доходов, распространением духовного цинизма, алкоголизацией и наркотизацией общества, пропагандой культа насилия и жестокости, а также другими факторами, обуславливающими рост уровня агрессивности людей и нередко приобретающими криминальные формы. Эти формы в современном обществе носят изощренный характер и чаще связаны с посягательством на жизнь человека.

В периоды социальных и политических изменений в жизни общества характерной чертой является всплеск суицидальной активности, поскольку существуют определенные группы населения или отдельные личности, которые не могут адаптироваться к коренному изменению системы ценностей, образа жизни. Отчаяние, давление семейных и финансовых трудностей, социальная изоляция, отсутствие надежды на будущую жизнь толкают людей найти выход из внутренних психологических проблем, возникших под влиянием внешних факторов, в том числе и путем совершения самоубийства. По данным Федеральной службы государственной ста-

тистики РФ, в последние годы снижается количество самоубийств, зарегистрированных в стране, однако их количество превышает, например, число смертельных случаев от дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Так, в 2019 году по причине самоубийства скончалось 17 192 чел. (в результате ДТП – 13 565), что по коэффициенту на 100 000 чел. населения составляет 11,7 (ДТП – 9,2)¹.

Причинами суицида могут стать действия иных лиц, в том числе и преступные, провоцирующие на принятие такого решения. Эти действия могут быть квалифицированы по ст. 110–110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Суицидальность рассматривается в списке фоновых явлений преступности, так как она имеет сильные корреляционные связи с агрессивно-насильственными преступлениями. Существует потенциальная возможность повышения эффективности борьбы с преступностью за счет противодействия фоновым для нее явлениям, что объясняется тождественным во многих случаях объектом предупредительного влияния. Предлагается определение этих явлений как формы социальной девиантности, которая выражается в массовых, статистических проявлениях непроступного аморального поведения (деятельности), отражает личностные деформации, а также действие видовых (групповых) обществен-

¹ *Российский статистический ежегодник. 2020: статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf.*

ных противоречий, способных детерминировать совершение отдельных преступлений и преступности в целом.

Термин «самоубийство» применяется в ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ, но его смысл не раскрывается. Узкое понимание этого термина предложено в науке уголовного права: самоубийством является умышленное причинение самому себе смерти. Российское законодательство предусматривает уголовную ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него (ст. 110 УК РФ). Последняя редакция статьи действует с 2017 года. Неточность диспозиции статьи вызывает не только споры в научном сообществе, но и определенные трудности в правоприменительной деятельности. Проблемы возникают при установлении отдельных признаков объективной и субъективной стороны: формы вины, способов совершения преступления, причинно-следственной связи между действиями виновного и их последствиями – смертью потерпевшего. Обобщения судебной практики и разъяснения-рекомендации Верховного суда РФ отсутствуют, что приводит к различной трактовке данных понятий как в научном сообществе, так и в решениях судов.

Наиболее дискуссионным вопросом является форма вины. Авторы ряда научных публикаций выступают с мнением, что признаки вины состава преступления представляются в форме умысла либо неосторожности [1–3]. Ряд других ученых утверждают, что субъективная сторона преступления может быть выражена умышленной формой либо с прямым или косвенным умыслом [4–6], либо только с косвенным умыслом [7; 8]. Встречаются также теории, что доведение до самоубийства характеризуется неосторожностью в виде небрежности [9]. Имеется суждение о том, что, если данное преступление совершено с прямым умыслом, деяние следует квалифицировать как умышленное убийство (ст. 105 УК РФ) [10; 11].

Большинство ученых высказывают мнение о том, что одну из групп способов доведения до самоубийства составляют «угрозы», и, поскольку данный термин используется законодателем во множественном числе, для квалификации данного преступления необходимо, чтобы угрозы были систематическими и неоднократными [5; 8; 12]. Но есть специалисты, указывающие на возможность доведения до самоубийства однократной угрозой [13]. Данное толкование закона встречается и в судебной практике. Ряд авторов отмечают, что такие угрозы должны носить реальный характер [14; 15].

Таким образом, невзирая на то, что в России в последнее время имеется положительная тенденция исследования проблематики уголовной ответственности за доведение до самоубийства, до сих пор остается достаточно широкий круг проблемных вопросов, как теоретической направленности, так и связанных с практической деятельностью следственных и судебных органов.

Цель исследования – рассмотрение проблем толкования отдельных признаков объективной и субъективной стороны состава доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), их теоретический и практический анализ и формулирование предложений по внесению изменений и уточнений в уголовный закон.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Логика исследования выстроена от общего к частному. На начальном этапе предпринят общетеоретический анализ специальных норм и положений, их роли и значения в праве. Далее проведен комплексный анализ субъективных и объективных признаков преступления. Каждый этап основан на анализе специальной литературы и мнений отечественных исследователей. С помощью метода сравнительного исследования изучены реальные уголовные дела и постановления Верховного суда РФ по уголовным делам по ст. 110, 163 УК РФ. Использование сравнительно-правового метода, в частности диахронного сравнения, выразилось в сравнительном анализе правовых норм, регулирующих уголовную ответственность за доведение до самоубийства и покушение на самоубийство в законодательстве стран СНГ. На основе изучения эмпирических данных судебной практики и обзора научной литературы по теме исследования выявлены и обобщены основные проблемы, возникающие при реализации нормы, предусмотренной ст. 110 УК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Объективные признаки состава преступления

Преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, является по своей конструкции очень сложным, поэтому возникают трудности в толковании отдельных объективных и субъективных признаков как в теории, так и на практике. В данном исследовании остановимся на объективной стороне (и ее отдельных признаках) и субъективной стороне (вине) состава преступления.

В ст. 110 УК РФ предусматривается общественно опасное деяние – доведение до самоубийства или покушение на самоубийство следующими способами: угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства. Если жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства не вызывают сомнений в установлении, то угрозы представляют сложности в правоприменении [16].

По нашему мнению, все способы должны иметь систематичность и множественность. Угроза должна носить еще и реальный, действительный характер.

В теории и судебной практике сложились противоположные мнения и позиции по вопросу: достаточно ли единичного факта угрозы, чтобы довести потерпевшего до самоубийства? Но может ли единожды высказанная угроза человеку с нормальной устойчивой психикой побудить человека к самоубийству или к покушению на него? Подобное толкование закона может привести к прецеденту в судебной практике, когда, например, угроза лицу, наступившему на пятку: «Всю жизнь на таблетки работать будешь», довела его до самоубийства, так как потерпевший был психически неуравновешен. На наш взгляд, здесь отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, так как нет причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями. Единожды высказанная угроза не может создать непреодолимую психотравмирующую ситуацию, влечь

за собой подавление воли личности и нести реальную угрозу жизни и здоровью.

Так, по мнению Первомайского районного суда г. Ижевска и суда Тракторозаводского района г. Челябинска, оправдавших лиц в части ст. 110 УК РФ, единственный случай угрозы со стороны виновного еще не является основанием для вменения ст. 110 УК РФ^{2,3}.

Но есть и противоположная точка зрения [13], подкрепленная судебной практикой, например приговор Кунцевского районного суда г. Москвы от 19.10.2015 по делу № 1-337/2015, в соответствии с которым Мамалиев Р.З. признан виновным за доведение малолетнего до самоубийства путем однократных угроз в здании школы за то, что потерпевший обижал его ребенка⁴.

Сам законодатель говорит об угрозах во множественном числе, то есть подразумевает систематичность и неоднократность, но не уточняет виды угроз [17]. В судебной практике встречаются угрозы жизни и здоровью, уничтожения или повреждения имущества, лишения материальной помощи, распространения заведомо ложных сведений или сведений, составляющих информацию о личной жизни потерпевшего, порочащих честь и достоинство потерпевшего, лишения жилища и т. п.

Считаем, что одним из видов угроз является шантаж – запугивание угрозой разоблачить или разгласить определенную информацию, которая может опозорить потерпевшего, его близких, опорочить его репутацию. Шантаж в квалификации доведения до самоубийства является разновидностью угрозы, однако в научной литературе и судебной практике он практически не изучается и не называется, хотя во многих приговорах одним из решающих действий, понудивших потерпевшего к самоубийству, выступает именно такой способ угрозы.

Подчеркнем, что угрозы должны носить противоправный и реальный характер. Например, вызывает сомнение решение суда о наличии признаков ст. 110 УК РФ при высказывании в сети Интернет угроз исключить потерпевшую из игры, конечной целью чего является самоубийство⁵. В данном случае в действиях виновного содержатся признаки ст. 110.1 УК РФ.

² Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 08.07.2015 по делу № 1-231/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O451KIsWo0ZP/>.

³ Приговор суда Тракторозаводского района г. Челябинска от 25.06.2015 по делу № 1-724/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iAHLNiZGu5V/?regular-txt=npriговор+cm.+110+ук+pf®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=cm.+110+ук++pf®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Тракторозаводский+районный+суд+г.+Челябинска+%28Челябинская+область%29®ular-judge=&=1620207144400&snippet_pos=16876#snippet.

⁴ Приговор Кунцевского районного суда г. Москвы по делу от 19.10.2015 № 1-337/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/N4SOpFpsYAIM/>.

⁵ Постановление о прекращении уголовного дела Люберецкого городского суда от 25.01.2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SRMk8y3KvC18/?regular-txt=постановление+о+прекращении+уголовного+дела®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+110.+Доведение+до+самоубийства%28УК+РФ%29®ular-date_from=25.01.2019®ular-

Кроме того, предполагаем, что угрозы могут быть выражены не только в отношении потерпевшего лица, но и его близких.

Для правильного применения понятия «угрозы» предлагаем внести изменения в диспозицию ст. 110 УК РФ, уточнить его виды, переняв опыт законодательства стран СНГ. Например, в белорусском уголовном законодательстве в норме 145 диспозиция закрепляет угрозы применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения, повреждения или изъятия их имущества, распространения клеветнических или оглашение иных сведений, которые они желают сохранить в тайне⁶.

Субъективные признаки состава преступления

В теории уголовного права и в судебной практике отсутствует единый подход к установлению субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Это вызвано тем, что в настоящее время непосредственно в диспозиции статьи форма вины не раскрывается.

Ряд ученых считают, что указанное в ст. 110 УК РФ деяние часто совершается с косвенным умыслом и реже – с прямым, при этом исключается неосторожность [12; 18]. Авторы ссылаются на решение суда 2002 года по делу Кузина, в отношении которого уголовное дело по ст. 110 УК РФ прекращено. В решении суда указано, что виновный должен сознавать, что указанным в законе способом принуждает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения им себя жизни и желает (прямой умысел) или сознательно допускает наступления этих последствий либо относится к ним безразлично (косвенный умысел)⁷. Тем самым президиум Московского городского суда высказал свою точку зрения на возможность привлекать к уголовной ответственности за доведение до самоубийства только при доказанности совершения виновным указанного деяния с прямым или косвенным умыслом.

Имеются и более поздние примеры судебных решений, поддерживающих данное мнение: определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 19.11.2008 по делу № 22-11343/2008⁸, постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 по делу № 44-У-43⁹, приговор Новошешминского районного суда

[date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Люберецкий+городской+суд+%28Московская+область%29®ular-judge=&=1620131072218](https://sudact.ru/regular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Люберецкий+городской+суд+%28Московская+область%29®ular-judge=&=1620131072218).

⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 // *Континент: информационная система*. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984.

⁷ Постановление Президиума Московского городского суда от 4 апреля 2002 г. // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2003. № 4. URL: <https://base.garant.ru/1352934/>.

⁸ *Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (четвертый квартал 2008 г. (19)) // Консультант-плюс: справочно-правовая система*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=2714#0591103098764872>.

⁹ Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 по делу № 44-У-43 // *Консультант-плюс: справочно-правовая система*.

Республики Татарстан от 18.08.2017 по делу № 1-25/2017 в отношении Сенько С.В. и Синявина А.М.¹⁰, апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 11.03.2016 по делу № 22-1338/2016 в отношении Федорова С.А.¹¹, оправдавшие лиц в части предъявленного обвинения за совершение доведения до самоубийства либо прекратившие их уголовное преследование по реабилитирующим основаниям в связи с отсутствием в действиях указанного состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Президиум указанное решение обосновал тем, что «согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части. Как следует из диспозиции ст. 110 УК РФ, она не содержит специального указания о неосторожной форме вины совершения данного преступления. Следовательно, в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ исключается уголовная ответственность лица, совершившего по неосторожности доведение другого лица до самоубийства либо же до покушения на самоубийство»¹².

Доминирующей судебной практикой по данному вопросу является совершение преступления с косвенным умыслом. Но в ходе анализа судебной практики нами найдены решения, в которых вменяется совершение преступления с прямым умыслом^{13, 14}. Часть специалистов придерживаются позиции о том, что доведение до самоубийства или покушения на него возможно только с прямым умыслом [19; 20].

Другие возражают данному утверждению, указывая на то, что, если данное преступление совершено с прямым умыслом, тогда в деянии содержатся признаки умышленного причинения смерти – убийства (ст. 105 УК РФ) [7]. Некоторые подчеркивают при этом, что только действия в отношении несовершеннолетнего

или находящегося в беспомощном состоянии следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти, и квалифицироваться они должны по ст. 105 УК РФ [5; 8; 21]. Мы не можем согласиться с данной позицией, так как в убийстве действие, направленное на причинение смерти, совершается именно виновным лицом. В ст. 110 УК РФ смерть причиняет себе сама жертва преступления, это акт собственной воли, реализуемый собственными действиями, преступные действия виновного в данном преступлении носят иной характер, о которых говорилось выше. В процессе убийства человек не способен сделать выбор, чтобы сохранить свою жизнь, избежать смерти. Если говорить про самоубийство, виновным лицом будет считаться человек, который своими действиями довел гражданина до данного деяния.

Возражаем мы и против применения понятий «несовершеннолетний» и «находящийся в беспомощном состоянии» и предлагаем для раскрытия потерпевших в особо квалифицирующем признаке использовать более узкие понятия «малолетний» и «невменяемый», поскольку именно они в большей степени не осознают совершаемые в отношении них действия и характер своих действий, направленных на самоубийство.

Отдельные авторы высказывают суждение, что указанное в ст. 110 УК РФ деяние следует характеризовать только неосторожной формой вины в виде небрежности, отмечая, что в умышленном преступлении субъект относится к совершаемым действиям именно как к преступным. Субъект получает удовлетворение от процесса совершения данных действий и не желает трагических последствий [9].

В судебной практике встречаются редкие случаи вменения совершения преступления по небрежности^{15,16}. Приговоры, в которых указано на совершение преступления по легкомыслию, при анализе судебной практики по данному вопросу нами не найдены.

Интерпретируя по-другому ч. 2 ст. 24 УК РФ, ряд специалистов настаивают, что в тех случаях, когда в диспозиции статьи субъективные признаки отсутствуют, необходимо пользоваться правилом, согласно которому в преступлениях, где законодатель прямо не указывает, что они могут совершаться только по неосторожности, допустима как умышленная, так и неосторожная форма вины [2; 22]. Из этого следует, что споры о форме вины вызваны еще и различной трактовкой действующей редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ [3].

В ходе исследования установлено, что общественно опасное деяние в ст. 110 УК РФ состоит из активных целенаправленных действий, которые выражаются способами, указанными в диспозиции статьи. Действия носят сознательный волевой активный систематический характер. Перечисленные способы, как признаки объективной стороны преступного деяния, указывают

URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=124728#07322510739064418>.

¹⁰ Приговор Новошешминского районного суда Республики Татарстан от 18.08.2017 от 18 августа 2017 г. по делу № 1-25/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FMtZsuEDFYg1/>.

¹¹ Апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 11.03.2016 по делу № 22-1338/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cqPcgKHbhWrb/>.

¹² Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 по делу N 44-У-43 // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=124728#07322510739064418>.

¹³ Постановление Жирновского районного суда от 05.10.2018 по делу № 1-81/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qS8iL6i7I3Ju/>.

¹⁴ Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 18.06.2019 по делу № 1-654/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uS2AHH5C6zZi?regular-txt=nприговор+cm.+110+ук+pf®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=cm.+110+ук+pf®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=Нижнекамский+городской+суд+%28Республика+Татарстан+%29®ular-judge=&=1620133115926&snippet_pos=158#snippet.

¹⁵ Приговор Октябрьского районного суда гор. Ставрополя от 19.11.2018 по делу № 1-390/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yLoiQ581Ju1O/>.

¹⁶ Приговор Абинского районного суда Краснодарского края от 27.02.2012 по делу № 1-29/2012 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gTI6iYR3skm6/>.

на то, что лицо осознает общественно опасное деяние. Таким образом, по отношению к общественно опасному деянию может предусматриваться только умышленная форма вины. Неосторожность при доведении до самоубийства или склонение к нему, согласно нашей позиции, может быть только по отношению к общественно опасным последствиям. Эти последствия наступают в результате умышленных преступных действий. К последствиям суицида могут привести и иные преступные деяния: истязания (ст. 117 УК РФ), угрозы (ст. 119 УК РФ), похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ).

Следует отметить, что в п. «б» ч. 3 ст. 131, ст. 132 УК РФ предусматриваются иные тяжкие последствия. В п. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 16 от 04.12.2014 «О судебной практике по делам о преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы личности» дается разъяснение, что под иными тяжкими последствиями может подразумеваться и совершение жертвой самоубийства¹⁷. Судебная практика следует данным рекомендациям: если в результате изнасилования или насильственных действий сексуального характера потерпевшее лицо совершает самоубийство, то данные действия квалифицируют по ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132 УК РФ без совокупности со ст. 110 УК РФ. На наш взгляд, данная квалификация является верной. Однако в ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132 УК РФ не конкретизируется форма вины по отношению к иным тяжким последствиям, поэтому можно говорить и об умысле, и о неосторожности. По нашему мнению, в данном случае речь может идти только о неосторожности. Если лицо совершает изнасилование или насильственные действия сексуального характера с целью доведения до самоубийства, в таком случае необходима квалификация действий в совокупности со ст. 110 УК РФ.

Противоречивая практика складывается при квалификации совокупности доведения до самоубийства с вымогательством. Если в результате вымогательства потерпевший совершает суицид, некоторые суды квалифицируют действия по совокупности со ст. 110 и 163 УК РФ, указывая при этом на умышленную форму вины в доведении до самоубийства^{18,19}. Однако данная

квалификация не подлежит логическому толкованию. Как виновное лицо может в данном случае желать или допускать наступление смерти, когда у него есть корыстная цель – получение выгоды от своих действий? В данном случае смерть потерпевшего для преступника является невыгодной, так как он не достигнет преступного результата, предусмотренного ст. 163 УК РФ, предполагающего жизнь потерпевшего.

Считаем неверной и позицию судов, которые приняли решение об оправдании лиц в части предъявленного обвинения по ст. 110 УК РФ в связи с отсутствием у них в ходе вымогательства умысла на доведение до самоубийства^{20,21}, в результате чего лица, которые своими действиями довели потерпевшего до самоубийства, избежали уголовной ответственности за эти последствия.

Для разграничения квалификации доведения до самоубийства с другими составами преступлений должна быть установлена вина по отношению к последствию в виде самоубийства. Здесь мы можем говорить только о неосторожной форме вины по отношению к доведению до самоубийства или покушения на него. Поэтому, на наш взгляд, будет целесообразным дополнить п. «д» ч. 3 ст. 163 УК РФ особо квалифицирующим признаком – совершением вымогательства, повлекшего по неосторожности иные тяжкие последствия (аналогично ст. 131 и 132 УК РФ).

Для более точного толкования закона и формирования единой практики по определению формы вины в ст. 110 УК РФ предлагаем рассмотреть и перенять зарубежный опыт стран СНГ, например ст. 136 УК Кыргызской Республики, где разделены действия, по неосторожности повлекшие последствия в виде самоубийства или попытки самоубийства, и действия, совершенные умышленно с этой целью и приведшие к самоубийству²². Считаем необходимым разделить эти действия и в отечественном законодательстве, поскольку они имеют разную общественную опасность, что оказывает существенное влияние на справедливость определения и дальнейшего применения к лицу, совершившему преступление, наказания или иных уголовно-правовых мер.

Предлагаем в диспозиции ч. 2 ст. 110 УК РФ указать наличие умысла по отношению к общественно опасному деянию и неосторожности – к последствиям Ч. 3 ст. 110 УК РФ следует сформулировать как совершение

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант-плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.

¹⁸ Приговор Хабаровского гарнизонного военного суда от 11.05.2018 по делу № 1-123/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/bgYtrUS6KuZ5/?regular-txt=ломов+см.+110+ук+пф®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=см.+110+ук+пф®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=Хабаровский+гарнизонный+военный+суд+%28Хабаровский+край%29®ular-judge=&=1620134248629&snippet_pos=232#snippet; Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 27.09.2019 по делу № 1-127/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PCJ0frDxvllC/>.

¹⁹ Приговор Кунашакского районного суда Челябинской области от 21.03.2019 по делу № 1-49/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V3MHIOSwg3d1/>.

²⁰ Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 08.07.2015 по делу № 1-231/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O451KIsWo0ZP/>.

²¹ Приговор Новошешминского районного суда Республики Татарстан от 18.08.2017 от 18 августа 2017 г. по делу № 1-25/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FMTzsuEDFYg1/>.

²² Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 24 января 2017 года № 10 // Контиент: информационная система. URL: http://continent-online.com/document/?doc_id=34350840.

действий умышленно, с целью доведения до самоубийства, приведших к последствиям в виде самоубийства или попытки самоубийства.

Для прекращения споров о наличии в умышленных действиях, предусмотренных ст. 110 УК РФ, совершенных в отношении малолетних и невменяемых, признаков преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, предлагаем также выделить ч. 4 ст. 110 УК РФ, в которой предусмотреть указанные действия, и приравнять санкцию этой части к санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ. Самоубийство является «добровольным» актом, действиями самого потерпевшего, приведшими к лишению себя жизни, что не охватывается объективной стороной убийства. С правовой точки зрения самоубийство – это деятельность человека, целью которой является прекращение собственной жизни, что определяется осознанным, волевым (управляемым, желанным) характером и влечет за собой его гибель. Чаще всего суицидальный поступок является индивидуальным решением, итогом размышлений отдельно взятого человека. Сам потерпевший обладает возможностью сделать выбор: довести до конца свои намерения или отказаться от них в силу определенных причин. Самоубийство – это результат сознательных действий со стороны определенного лица, которое полностью осознает или ожидает летальный исход.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

На основании проведенного теоретического и практического анализа толкования отдельных признаков объективной и субъективной стороны состава доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) нами вынесены следующие предложения.

1. Диспозицию ч. 1 ст. 110 УК РФ сформулировать следующим образом: «Умышленные систематические угрозы применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения или повреждения имущества, распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего, или сведений, составляющих информацию о его личной жизни, систематическое жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства, которые по неосторожности повлекли совершение потерпевшим самоубийства или покушение на самоубийство».

2. Добавить ч. 3 ст. 110 УК РФ, где указать: «Деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, которые повлекли умышленное доведение до самоубийства или покушения на самоубийство». Уголовная ответственность, соответственно, должна быть выше, чем в ч. 2 ст. 110 УК РФ.

3. Добавить ч. 4 ст. 110 УК РФ, где указать: «Деяния, предусмотренные частью 3 настоящей статьи, совершенные в отношении малолетнего или невменяемого лица». Санкция данной части должна соответствовать санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ.

4. Сформулировать п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ следующим образом: «С причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего или повлекшее по неосторожности иные тяжкие последствия».

Внесение данных изменений и уточнений в уголовный закон позволит правильно применять на практике данную норму, что, в свою очередь, исключит судеб-

ную ошибку при квалификации деяния, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Хатуев В.Б. Уголовно-правовое регулирование ответственности за самоубийство в российском уголовном законодательстве: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 81–95.
- Артюшина О.В. Новые преступления против жизни: проблемы криминализации и декриминализации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 129–137.
- Попов А.П. О формах вины по уголовному законодательству России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3. С. 59–65.
- Шарапов Р.Д., Смахтин Е.В. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 349–357.
- Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья. М.: Зерцало, 2013. 256 с.
- Сидоров Б.В. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка, место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 94–98.
- Бородин С.В., Малинин В.Б. Убийство – общая характеристика. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. 196 с.
- Тюнин В.И., Огарь Т.А. Доведение до самоубийства и сопряженные с ним преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1. С. 91–97.
- Уколова Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства // Российский следователь. 2007. № 12. С. 18–21.
- Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. 467 с.
- Егорова Н.А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11–17.
- Лысак Н., Лопаткин Д. Ответственность за доведение до самоубийства // Законность. 2006. № 3. С. 12–14.
- Буряковская Е.В. Некоторые проблемы при квалификации доведения до самоубийства по объективным признакам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 68–72.
- Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство. М.: Юрлитинформ, 2015. 446 с.
- Сбирунов П. Доведение до самоубийства: состав, квалификация и судебная практика // Annali d'Italia. 2020. № 12-2. С. 49–56.
- Рыжов Э.В. Проблемы определения способа совершения преступления, предусмотренного статьей 110 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник

- Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 3. С. 81–85.
17. Сараева Ю.В. Доведение до самоубийства: особенности объективной стороны // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 112–118.
 18. Сбирунов П.Н. Проблемные вопросы определения и совершенствования состава доведения до самоубийства // Magyar Tudományos Journal. 2020. № 42-1. С. 14–18.
 19. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75–82.
 20. Аюпов В.Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2. С. 12–16.
 21. Плаксина Т.А. Уголовная ответственность за убийство. Ч. 1. Общие вопросы ответственности за убийство. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1998. 64 с.
 22. Филиппова С.В. Разграничение склонения к совершению самоубийства и доведения до него (статьи 1101 и 110 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 180–186.
- REFERENCES**
1. Khatuev V.B. Criminal law regulation of liability for suicide in the Russian criminal legislation: the past and present. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 11, pp. 81–95.
 2. Artyushina O.V. New crimes against life: problems of criminalization and decriminalization. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 129–137.
 3. Popov A.P. About the forms of guilt in the criminal legislation of Russia. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 3, pp. 59–65.
 4. Sharapov R.D., Smakhtin E.V. New grounds of criminal liability for inducement to suicide and other life-threatening behavior. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 349–357.
 5. Borzenkov G.N. *Prestupleniya protiv zhizni i zdorovya* [Crimes against life and health]. Moscow, Zertsalo Publ., 2013. 256 p.
 6. Sidorov B.V. Plaguering the life out: social-legal assessment, the place within the system of related institutes and norms of criminal law and improvement of criminal legislation. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2010, no. 1, pp. 94–98.
 7. Borodin S.V., Malinin V.B. *Ubiystvo – obshchaya kharakteristika* [Murder-general characteristics]. Sankt Petersburg, MIEP pri MPA EvrAzES Publ., 2013. 196 p.
 8. Tyunin V.I., Ogar T.A. Incitement to suicide and related crimes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 91–97.
 9. Ukolova Yu.A. The form of guilt in bringing to suicide. *Rossiyskiy sledovatel*, 2007, no. 12, pp. 18–21.
 10. Borodin S.V. *Prestupleniya protiv zhizni* [Crimes against life]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr-Press Publ., 2003. 467 p.
 11. Egorova N.A. The new in life protection of a person under criminal law. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 6, pp. 11–17.
 12. Lysak N., Lopatkin D. Responsibility for bringing to suicide. *Zakonnost*, 2006, no. 3, pp. 12–14.
 13. Buryakovskaya E.V. Some problems in the classification on incitement to suicide for objective signs. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2019, no. 2, pp. 68–72.
 14. Khatuev V.B. *Ugolovnaya otvetstvennost za dovedenie do samoubiystva ili do pokusheniya na samoubiystvo* [Criminal liability for bringing to suicide or to attempted suicide]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 446 p.
 15. Sbirunov P. Bringing to suicide: structure, qualification and jurisprudence. *Annali d'Italia*, 2020, no. 12-2, pp. 49–56.
 16. Ryzhov E.V. Problems of determining the method of committing a crime provided for in Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 3, pp. 81–85.
 17. Saraeva Yu.V. Incitement to suicide: features of the objective side. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 112–118.
 18. Sbirunov P.N. Problematic issues of definition and improvement of structure of bringing to suicide. *Magyar Tudományos Journal*, 2020, no. 42-1, pp. 14–18.
 19. Krylova N.E. Liability for incitement to suicide and involvement in suicide of another person under criminal law of the Russian federation: evaluation of legislative novelties. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 1, pp. 75–82.
 20. Ayupov V.Sh. Content of the subjective side of bringing to suicide (article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2012, no. 2, pp. 12–16.
 21. Plaksina T.A. *Ugolovnaya otvetstvennost za ubiystvo. Obshchie voprosy otvetstvennosti za ubiystvo* [Criminal liability for murder. General questions of responsibility for murder]. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1998. Ch. 1, 64 p.
 22. Filippova S.V. Distinction between inducement to commit suicide and causing to it (articles 1101 and 110 of the Criminal Code). *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2019, no. 9, pp. 180–186.

**THE PROBLEMS OF INTERPRETING CERTAIN SIGNS OF THE OBJECTIVE
AND SUBJECTIVE ASPECTS OF THE COMPONENTS OF INCITEMENT TO SUICIDE (ARTICLE 110
OF THE RF CRIMINAL CODE): THEORETICAL AND PRACTICAL ANALYSIS**

© 2021

N.Zh. Danilina, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

N.F. Angipova, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: suicide; self-murder; incitement to suicide; reckless form of guilt; modi operandi of criminals; subjective aspect of a crime; socially dangerous consequences; threat as the way of incitement to suicide.

Abstract: Russia is among the top ten in terms of the number of suicides per capita. There are many reasons why a person decides to leave life. Often, it is the result of long-term problems and experiences that a person could not cope with. The reasons for suicide can also be the actions of other persons, including criminal ones classified by criminal law as incitement to suicide. The inaccuracy of the formulated disposition in the article on the incitement to suicide or attempted suicide (Article 110 of the RF Criminal Code) causes controversy in the scientific community and some difficulties in law enforcement. The paper studies the definition of individual objective and subjective signs of incitement to suicide and the search for ways to resolve them. The authors considered various positions of the authors of the interpretation of the concept of objective and subjective signs – a threat as a method of bringing to suicide, a form of guilt of such crime and analyzed the reasons for the contradictory judicial practice in their determination. The analysis allowed differentiating criminal liability of a person who committed a crime considering the principle of justice. The authors propose to amend the disposition of Article 110 of the RF Criminal Code by dividing into separate parts deliberate actions aimed at incitement to suicide and negligence and intent concerning the consequences; to add to the specified article a particularly classifying feature in the form of deliberate actions led to a suicide or attempted suicide of a minor and mentally defective person; to add to Article 163 of the RF Criminal Code (extortion) a particularly classifying feature in the form of serious consequences by negligence, including a suicide.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

© 2021

И.А. Кузьмин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права
Иркутский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск (Россия)

Ключевые слова: англосаксонская правовая система; система юридической ответственности; сравнительно-правовое исследование; национальная правовая система; судебные органы; прецедентное право.

Аннотация: Статья посвящена одной из наименее исследованных и дискуссионных в теории права и отраслевых юридических науках проблем – структурным и содержательным особенностям взаимосвязей, взаимодействия и противоречий юридической ответственности в некоторых странах, относящихся к англосаксонской правовой семье (системе). Цель работы заключается в общетеоретической характеристике специфических свойств юридической ответственности через призму внутренних и внешних признаков англосаксонской правовой системы с опорой на нормативные источники, научные труды, материалы судебной практики, статистические, информационные и иные эмпирические данные. Определены объекты, ориентиры и содержание сравнительно-правовых исследований юридической ответственности, предложена авторская методика «первичного» погружения в проблематику. Названы общие и частные особенности системы юридической ответственности и ее элементов в семье общего права с акцентом на законодательство и практику Великобритании и США. Проанализировано участие официальных органов (должностных лиц) в создании, реализации и интерпретации различных мер юридической ответственности. Приведены правовые позиции Европейского суда по правам человека. Учтены и дифференцированы материально-правовые и процессуально-правовые, а также публично-правовые и частноправовые аспекты возложения ответственности в странах рассматриваемой правовой семьи. Сформулированы причины, лежащие в основе взаимосвязей, взаимодействия и противоречий систем юридической ответственности в соответствующих государствах. Выявлена тенденция к взаимопроникновению англосаксонской и романо-германской правовых семей, влияющая на качественные показатели (основания) юридической ответственности как нормативного образования и охранительного средства правового регулирования. Рекомендовано проработать вопрос о использовании в Российской Федерации положительного опыта установления и реализации ответственности в странах англосаксонской правовой системы.

ВВЕДЕНИЕ

С учетом достигнутых ранее результатов относительно познания единства, различия и взаимодействия системы права и системы законодательства с системой юридической ответственности [1] и доступных ресурсов, мы предпримем попытку выявить отдельные особенности взаимосвязей, взаимодействия и противоречий юридической ответственности в некоторых странах, относящихся к англосаксонской правовой семье (системе). Основной ценностью настоящей и подобных работ является обогащение методологического инструментария компаративных исследований, использование которого позволит выявлять и фиксировать положительный опыт правотворчества и правоприменения в различных странах. В частности, возникнет возможность критического осмысления законодательной конструкции юридической ответственности, а также практики ее применения, исходя из полученных знаний о динамике данного правового явления в странах англосаксонской правовой семьи. С учетом того, что национальная правовая система России тяготеет к романо-германскому типу, сформулированные по итогам исследования авторские положения могут открыть новые перспективы для решения имеющихся проблем, связанных с установлением и возложением различного рода и вида наказания для поддержания режима законности и охраны правопорядка. Дополнительно создаются необходимые условия для совершенствования всей правоохранитель-

ной системы, включая ее нормативную основу, правоохранительные органы и их должностных лиц, правовую культуру и правосознание всех участников охранительных отношений и многое другое. Для максимальной концентрации на предмете исследования в работе рассмотрен исключительно негативный (ретроспективный) аспект юридической ответственности.

Для отечественной правовой науки комплексные общетеоретические исследования системы юридической ответственности в зарубежных странах являются скорее исключением. Так, в 2011 году вышла монография старшего научного сотрудника Центра политических исследований ИДВ РАН П.В. Трощинского на тему «Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики»¹. Отдельные журнальные публикации предметной направленности можно встретить в работах Т.П. Корецкой, А.В. Чепуса, А.В. Юрковского и т. д. В целом значительный вклад в развитие теоретических подходов к пониманию системы юридической ответственности внесли Н.В. Витрук, Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров и ряд других ученых-правоведов.

Использование методологии компаративистики в отношении таких комплексных правовых институтов, как юридическая ответственность, подразумевает определение объекта (предмета), ориентиров и содержания

¹ Трощинский П.В. *Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики*. М.: ИДВ, 2011. 270 с.

сравнительно-правового исследования [2]. Следует помнить, что юридическая ответственность охватывает собой целый пласт государственно-правовой реальности на всех ее уровнях и проявляется в многообразных моделях, а также в различных стадиях юридической деятельности.

В настоящей работе рассмотреть даже в самом общем виде все значимые аспекты проблематики юридической ответственности в англосаксонской правовой семье не представляется возможным, в связи с чем обратимся лишь к некоторым специфическим особенностям юридической ответственности с точки зрения ее формального закрепления и практической реализации на примере отдельных стран. Исходя из этого, при сопоставлении соответствующих проявлений юридической ответственности мы будем учитывать следующие обстоятельства:

- использование терминов «юридическая ответственность», «наказание», «санкции» и производных от них понятий в национальных законодательствах;
- наличие общих (отличительных) аспектов юридической ответственности в законодательстве разных стран;
- издание официальных актов толкования права, содержащих обязательные разъяснения по применению юридической ответственности;
- вопросы эффективности правоохранительной системы государств по реализации норм юридической ответственности.

Цель работы – определение причин и содержания общетеоретических взаимосвязей, взаимодействия и противоречий юридической ответственности в странах, относящихся к англосаксонской семье, с позиции их достоинств/недостатков и возможного учета для совершенствования отечественного законодательства и практики его применения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами настоящего исследования послужили: 1) отдельные положения законодательства стран, входящих в англосаксонскую правовую систему; 2) материалы судебной и административной практики российских, зарубежных и международных органов власти; 3) обобщенные аналитические данные о результатах судебной деятельности в соответствующих государствах.

Ввиду ограниченности объема материала нами предложена специальная методика проведения первичных сравнительно-правовых исследований юридической ответственности:

- 1) выборочное изучение положений законодательства стран с целью выявления общих подходов к регламентации правоохранительной сферы, включая закрепление юридической ответственности;
- 2) особый учет специфики публично-правовой ответственности за наиболее опасные (вредные) для государства, общества и личности деяния;
- 3) рассмотрение особенностей практики реализации норм юридической ответственности;
- 4) учет статистических данных о показателях законности (правопорядка) в соответствующих государствах;

5) использование доктринальных материалов по теме исследования;

6) выявление взаимосвязей, взаимодействия и противоречий в законодательной конструкции юридической ответственности и практике ее реализации с учетом соответствующих особенностей в отечественной правовой системе России.

Последовательность изложения материала предполагает поступательное раскрытие следующих смысловых блоков: 1) общая характеристика англо-саксонской правовой семьи; 2) специфика системы юридической ответственности в англосаксонской правовой семье; 3) специализированные исследования отдельных особенностей системы юридической ответственности; 4) взаимосвязи, взаимодействие и противоречия юридической ответственности в странах англосаксонской правовой системы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая характеристика англосаксонской правовой семьи

Англосаксонская правовая семья – условное обозначение значительного числа стран, национальные правовые системы которых находятся (находились) под влиянием так называемого английского общего права, берущего начало в XI веке после норманнского завоевания Англии и носящего прецедентную природу. Принято выделять несколько характерных для англосаксонской правовой семьи особенностей:

- 1) отсутствие деления права на публичное и частное, что делает его однородным и связано с исторически обусловленным отсутствием специализации судов, рассматривающих дела, вытекающие и из публичных, и из частных правоотношений, а также с отсутствием специальных отраслевых кодексов;
- 2) слабая материально-правовая составляющая права ввиду высокой развитости процесса, который и определяет особенности рассмотрения споров и, как следствие, системы правоотношений, что, в свою очередь, обуславливает значительную роль судебного прецедента, не исключая вместе с тем значимости закона – акта парламента;
- 3) сохранение основных правовых массивов: общего права и права справедливости;
- 4) некодифицированность системы права, что не исключает появление источников права в результате консолидации (объединения однородных норм права в единых актах без их коренной переработки и выделения общей и особенной частей);
- 5) казуистичность изложения норм права, ставших результатом развития правотворческой деятельности судов, рассматривающих и разрешающих конкретные дела [3; 4].

Специфика системы юридической ответственности в англосаксонской правовой семье

Специальный термин “Legal liability”, или “Liability in law” (наиболее близкий к понятию «юридическая ответственность» в понимании авторов Британской энциклопедии (Encyclopaedia Britannica), является чрезвычайно широким термином, включающим в себя все виды обязанностей, обязательств, долгов, санкций или

рисков, возникающих на основе договоров, деликтов или статута². Исходя из этого, ответственность раскрывается в ее двойственном контексте: позитивном (за будущее правомерное поведение, основанное на законе или договоре) и негативном (за прошлое неправомерное поведение, связанное с нарушением закона или договора). Как указал профессор права Калифорнийского университета в Беркли Р.Д. Кутер (США) ответственность тесно связана с тремя типами правил: строгим обязательством, халатностью и собственностью, которые раскрывает сущность основных экономических теорий ответственности [5]. В свою очередь, Британская энциклопедия рассматривает англосаксонское право в качестве феодального этапа развития права, итогом развитием которого стало понимание мира как господства власти в конкретном регионе, возглавляемой королем и запрещающей нарушать «царский мир»³.

В странах англосаксонской правовой системы в вопросах возложения юридической ответственности значимую роль играют судебные прецеденты, несоблюдение которых может стать основанием для наказания самих судей. Так, устоявшаяся правовая доктрина “Stare decisis” обязывает суды при вынесении решений следовать правовым прецедентам, установленным предыдущими решениями по схожим (аналогичным) делам. Между тем профессор права юридического факультета Университета «Нотр-Дам» Р.Дж. Козел (США) убежден, что необходимость судов поддерживать прецедент независимо от подозрений в его неправомерности характеризует высокий статус и стабильность судебной системы. Опираясь на результаты исследования, профессор пришел к выводу, что “Stare decisis” имеет «замечательную» тенденцию разжигать разногласия, противоречащие принципам, которые он должен поощрять. Среди прочего, он приводит в пример укоренившийся прецедент, согласно которому «офицеры (сотрудники) полиции имеют право полагаться на существующие решения судов низшей инстанции, не неся личной ответственности... и если судьи расходятся во мнении по конституционному вопросу, то подвергать полицию денежному возмещению несправедливо» [6, с. 412]. В Российской Федерации преобладают иные подходы. Так, апелляционным определением Ставропольского краевого суда от 23 января 2015 г. по делу № 33-362/2015 (а также в определениях от 12.09.2014, 19.09.2014, 03.10.2014), были отклонены доводы заявителя о том, что судебная практика является основанием «к изменению решения суда в части размера неустойки, поскольку прецедентное право в его истинном значении, употребляемом в государствах англосаксонской правовой семьи, – это не просто общеобязательность решений судов, а это система права... в России прецедентное право... не введено». Заслушав доводы кассационной жалобы по делу № 33-7538, в определении от 22 марта 2011 г. Московский городской суд отметил, что «в РФ действует романогерманская система права, которая основана не на су-

дебном прецеденте, а на кодифицированном законодательстве. Именно кодексы и иные законы являются источниками права в Российской Федерации, а не судебные решения, как это принято в англосаксонской системе права». Однако, как обоснованно заявил М.Н. Марченко, при применении норм права в нашей стране суды все чаще ориентируются на судебную практику, что свидетельствует об упрочнении позиции прецедентов и других форм судебного права в системе источников права России [7].

В ходе обсуждения проекта Обзора практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных, Д.В. Мурзин отметил такую особенность системы юридической ответственности в англосаксонском праве, как наличие многочисленных казуистических случаев с самостоятельной ответственностью, призвав использовать в российском праве целесообразные подходы (протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 27 ноября 2020 г. № 24).

Существенный вклад в концептуальное и законодательное развитие идей юридической ответственности в Австралии привносит активная деятельность Австралийской комиссии по реформе законодательства (Australian Law Reform Commission – ALRC). Так, в гл. 10 доклада № 129 (март 2016 г.) «Традиционные права и свободы – Нарушения законов Содружества» Комиссией были разграничены строгая и абсолютная формы ответственности. Отмечено, что важным принципом общего права является то, что лицо не должно по умолчанию привлекаться к уголовной ответственности за деяние, лишенное критерия виновности (*mens rea*), но отдельными актами могут быть предусмотрены и более строгие правила. Определено, что принцип законности исходит из необходимости защиты по принципу “*mens rea*”, поэтому суды при толковании закона должны исходить из того, что Парламент не намеревался вводить состав преступления с более строгой ответственностью, если это намерение не было сделано однозначно и ясно⁴. Схожее положение было сформулировано в постановлении Конституционного суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П: «Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. закреплено непосредственно».

Специализированные исследования отдельных особенностей системы юридической ответственности

Важные особенности системы юридической ответственности в странах англосаксонской правовой системы определены по результатам узкопредметных исследований:

1) субъектами возложения конституционно-правовой ответственности на органы местного самоуправления

² *Liability law // Britannica.*

URL: <https://www.britannica.com/topic/liability-law>.

³ *Anglo-Saxon law // Britannica.*

URL: <https://www.britannica.com/topic/Anglo-Saxon-law>.

⁴ *Traditional rights and freedoms – Encroachments by commonwealth laws (ALRC Report 129) // Australian Government. Australian Law Reform Commission. URL: <https://www.alrc.gov.au/publication/traditional-rights-and-freedoms-encroachments-by-commonwealth-laws-alrc-report-129>.*

в большинстве стран англосаксонской правовой системы различные министерства и ведомства (например, в Ирландии министр по охране окружающей среды может распустить местный совет по определенным основаниям, указанным в законодательстве о местном управлении), и это не единственная форма контроля [8];

2) иммунитеты высших должностных лиц соответствующей группы стран обычно носят функциональный характер (так, согласно п. 1 ст. 361 Конституции Индии от 26 января 1950 г., «Президент, Губернаторы или Раджпрамукхи Штата не могут быть привлечены к судебной ответственности за осуществление и исполнение своих должностных полномочий и обязанностей или за любое действие, совершенное ими или которое они стремились совершить в осуществление и исполнение этих полномочий и обязанностей»);

3) для стран системы общего права характерно отсутствие гражданско-правовой ответственности государства (включая судебные органы) за принимаемые решения, что объясняется особым правовым статусом и иммунитетом английских судей, возведенным в абсолют принципом их независимости [9], к примеру, в ст. 24 актуальной редакции Конституционного закона Новой Зеландии от 1986 г. специально оговаривается, что «заработная плата Судьи Высокого Суда не может быть уменьшена в течение срока полномочий Судьи»;

4) в США и в Великобритании положения о привлечении учредителей к ответственности по обязательствам организации сформированы судебной практикой, причем данный механизм ответственности получил название «снятия корпоративной вуали» [10];

5) прецеденты в странах англосаксонской правовой семьи могут уточнять процессуальные особенности применения ответственности (приводится пример, по которому в 1957 г. Верховный Суд США на основании обобщения практики постановил, что матери, жены и дети военнослужащие, а также гражданские лица, работающие на военных базах, не могут привлекаться к ответственности военными трибуналами, согласно Кодексу военной юстиции) [11];

6) для государств англосаксонской правовой семьи характерно установление законодательной возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц [12], хотя удельный вес такой преступности, как правило, невысок (согласно данным Комиссии по приговорам США, во всей стране в 2018 г. было привлечено к уголовной ответственности 99 корпораций, а в 2019 г. – 118)⁵;

7) иные особенности [13].

Размышляя над ролью толкования права в трансформации моделей принятия судебного решения в странах континентальной и англосаксонской правовых семей, Ю.В. Недилько аргументированно заявляет, что индуктивная модель (с опорой на судебные прецеденты) в настоящее время претерпевает существенные трансформации. Формируется правило о том, что «судья не может полагаться только на свое усмотрение и на существующие прецеденты при толковании правовой нормы и принятии судебного решения, а должен

выяснить намерения и цели законодателя, которые им преследовались при принятии конкретного нормативного акта» [14, с. 61].

Показательно, что в законодательстве Великобритании и США разграничение преступных деяний на преступления и уголовные проступки непосредственно зависит от процессуального критерия. Так, в английской правовой системе «при рассмотрении совершенного уголовного правонарушения в порядке судопроизводства с обвинительным актом с участием присяжных заседателей речь следует вести о преступлении; при рассмотрении совершенного уголовного правонарушения в порядке упрощенного судопроизводства – о проступке» [15, с. 24–25]. Вместе с тем в законодательстве Великобритании достаточно широко распространены «смешанные» правонарушения – “hybrid offences”, которые могут рассматриваться и как преступления, и как проступки⁶.

В целом, как отмечает В.Н. Сизова, в современной английской системе назначения наказаний судьи наделены широким судебским усмотрением [15]. Одним из способов самоограничения судебных полномочий является исключение “forum non conveniens”, согласно которому внутригосударственный суд может отказаться от рассмотрения дела, если придет к мнению, что соответствующий спор целесообразно рассмотреть в зарубежном суде аналогичной юрисдикции. На данное обстоятельство также было обращено внимание в п. 90 постановления Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 5 марта 2018 г. по делу «Найт-Лиман против Швейцарии» (жалоба № 51357/07) и в Решении Палаты лордов Соединенного Королевства по делу компании «Спилиада Меритайм Корпорэйшн/Кенсулекс Лтд» № АС460 в 1987 г. Ранее, в п. 6 постановления ЕСПЧ от 9 октября 2003 г. по делу «Эзе и Коннорс против Соединенного Королевства» (жалобы № 39665/98 и 40086/98) было установлено, что судьи англосаксонской правовой системы при назначении наказания пользуются определенными пределами усмотрения (телеологически, с помощью сравнения судебных решений и т. д.).

Анализируя специфику противодействия компьютерным преступлениям в странах англосаксонской системы, А.В. Пелевина пришла к выводу, что в их национальном законодательстве обычно отсутствуют кодифицированные акты, а ответственность предусматривается различными правовыми актами, которые не отличаются единообразием, как и практика их применения [16]. Это в очередной раз доказывает, что узурпация судьей правотворческой функции – большая ошибка, следует искать и находить формы взаимодействия между судьей и законодателем. При принятии решений суду надлежит не только и не столько опираться на прецеденты и собственные убеждения, а учитывать мнение нормотворческих органов [17].

В англосаксонской системе существуют и специальные правила проверки законности применения наказаний. Таковым является «Приказ Хабеас корпус», позволяющий оценить стогоую законность применения наказания в виде лишения свободы, на который, в частности, сослался ЕСПЧ в п. 55 постановления от 23 февраля

⁵ Quick Facts. Organizational Offenders.

URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/quick-facts/Organizational-Offenders_FY19.pdf.

⁶ British Columbia. URL: <https://www2.gov.bc.ca/>.

2017 г. по делу «Де Томмазо против Италии» (жалоба № 43395/09) и в п. 103 постановления от 17 июля 2014 г. по делу «Кадиржанов и Мамшев против Российской Федерации» (жалобы № 42351/13 и 47823/13). В отношении оценки доказательств в рамках уголовного преследования для англосаксонской правовой семьи характерно использование стандарта «вне всякого разумного сомнения» (п. 8 постановления ЕСПЧ от 23 августа 2016 г. по делу «J.K. и другие против Швеции» – жалоба № 59166/12).

Несмотря на отсутствие концептуальной, присущей странам романо-германской правовой семьи теории юриспруденции (теории права), в государствах, тяготеющих к англосаксонской правовой системе, ориентируются на принципы права / правосудия / справедливости. Посредством обращения к идее права / правового регулирования / закона исследователи и практические работники системы общего права иными путями, но все-таки закономерно приходят к осознанию необходимости выработки общетеоретических положений о государственном принуждении и юридической ответственности. Так, Д. Ллойд (Великобритания), ранее занимавший должность заведующего юридическим отделом Лондонского университета, а затем королевского советника, отметил, что теоретик «права, подобно другим ученым, занятым в сфере социальных исследований, стремится раскрыть общую структуру предмета изучения. Для этой цели он нуждается в понятийном аппарате, представляющем систему классификации, в рамках которой он сможет анализировать и сравнивать различные явления, происходящие в обществе». Детализируя свою мысль, исследователь установил «бесконечное множество градаций применения силы, от кровной мести до процедуры наказания за отказ выполнить решение современного суда...» [18, с. 38–39].

Взаимосвязи, взаимодействие и противоречия юридической ответственности в странах англосаксонской правовой системы

Изложенные выше особенности юридической ответственности в странах англосаксонской правовой семьи позволяют в самом общем виде обозначить формы взаимосвязей, взаимодействия и противоречия юридической ответственности в государствах, правовые системы которых тяготеют к англосаксонской правовой системе.

Взаимосвязи и взаимодействие систем юридической ответственности в странах общего права предопределяются спецификой самой англосаксонской правовой семьи и исторической общностью (тяготением) государств к развитию английского и американского права и выражаются в следующем:

1) большое разнообразие форм (видов) юридической ответственности в области публичного и частного права, часть из которых являются гибридными, поскольку образуются вследствие судебного нормотворчества, основанного на действующем законодательстве (актах парламента);

2) важнейшие материально-правовые и процессуально-правовые вопросы привлечения к юридической ответственности решаются на основании судебных прецедентов, формируемых высшими судебными инстанциями и зачастую носящих длительный характер,

признаваемых органами законодательной и исполнительной власти;

3) особое место среди уполномоченных субъектов, привлекающих нарушителей к юридической ответственности, занимают судебные органы, которые формируют не только судебную практику, но и прецедентное право, являющееся неотъемлемой частью системы права, используют сложившиеся механизмы самоорганизации и саморегулирования судебной деятельности;

4) наметилась общемировая тенденция сближения англосаксонской и романо-германской правовых систем, суть которой заключается в понимании того, что привлечение к различным видам юридической ответственности не может быть достаточным образом урегулировано только нормативным правовым актом или судебным прецедентом – необходимо достижение баланса между последними [19];

5) международные юрисдикционные органы, применяя базовые положения об ответственности, выработанные судебной практикой Великобритании, США и других стран англосаксонской правовой семьи, способствуют их сохранению и дальнейшему распространению, трансформации с учетом изменяющихся условий;

6) иные причины, обуславливающие соответствующие взаимосвязи и взаимодействие.

Противоречия внутри системы юридической ответственности в рассматриваемых странах могут быть вызваны различными обстоятельствами. Например, Д.Я. Малешин выделяет основные недостатки англосаксонской модели рассмотрения дела присяжными заседателями, отмечая их необъективность, чувствительность к риторике и отсутствие ответственности судей, что приводит к обилию незаконных решений [20]. Низкий уровень абстракции нормативных положений о юридической ответственности и порядка ее применения нередко приводит к затягиванию и удорожанию процесса возложения наказания [21] и в отдельных случаях расширяет возможности ухода от ответственности. Так, М.Г. Жилкин прямо заявил, что «казуистичность уголовного закона – это исторически сложившийся органический недостаток англосаксонской правовой системы» [22, с. 118–119]. В конкретных ситуациях отмечается непоследовательность органов правосудия при формировании практики [23] и многое другое, включая сложности непротиворечивой реализации упомянутой доктрины “Stare decisis”.

Отдельного рассмотрения за рамками настоящего исследования заслуживает проблематика заимствования Российской Федерацией опыта установления и реализации юридической ответственности отдельных стран англосаксонской правовой семьи, на что неоднократно обращалось внимание в литературе [24].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В странах англосаксонской правовой семьи наблюдается значительное расхождение в подходах к закреплению и реализации юридической ответственности. Данный исследовательский ракурс ранее не получил своего отражения в специализированной литературе даже на уровне постановки научной гипотезы. Между тем, опираясь на структурные элементы формально-юридического и компаративного методов, мы произвели

общетеоретические обобщения, касающиеся особенностей системы юридической ответственности. Существенную помощь в этом оказал анализ судебной практики, а также официальные акты разъяснения соответствующих законодательных положений. Полагаем возможным заявить о необходимости продолжить накопление научным сообществом доктринальных, правоприменительных, информационно-аналитических, справочных и иных материалов, характеризующих статику и динамику элементов системы юридической ответственности для дальнейшего углубления знаний в очерченной предметной области.

ВЫВОДЫ

Специфика законодательства и правоприменительной практики стран, относящихся к англосаксонской правовой системе, обуславливает особенности взаимосвязей, взаимодействия и противоречий различных правовых явлений, включая и юридическую ответственность. Среди них отсутствие деления права на публичное и частное; слабая материально-правовая составляющая права; разграничение общего права и права справедливости; некодифицированность системы права, а также казуистичность норм права.

Юридическая ответственность в странах англосаксонской правовой семьи имеет общие свойства, проявляющиеся в различных национальных правовых системах. В их числе широкое судебское усмотрение при вынесении решения, существенное значение процессуальной формы при решении материально-правовых вопросов, избыточная детализация подлежащих применению прецедентов, приоритет практики над законом, низкая ответственность отдельных участников процесса и многое другое.

Сближение англосаксонской и романо-германской (континентальной) правовых семей демонстрирует взаимопроникновение и трансформацию юридической ответственности, закономерности развития которой могут и должны учитываться в правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности Российской Федерации.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского, А.А. Мусатовой. М.: РИОР, 2020. 658 с.
- Кузьмин И.А. Специфика сравнительно-правовых исследований юридической ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 35. С. 6–15.
- Белых В.С. Особенности и общие тенденции развития англосаксонской и континентальной правовых систем // Право и государство. 2016. № 2. С. 60–64.
- Рассказов Л.П. Англо-саксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 105. С. 949–963.
- Cooter R.D. Economic Theories of Legal Liability // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 3. P. 11–30.
- Kozel R.J. Stare Decisis as Judicial Doctrine // Washington and Lee Law Review. 2010. Vol. 67. № 2. P. 411–466.
- Марченко М.Н. Формы судебного права и их особенности // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 41–54.
- Черкасов А.И. Местное управление в конституционном механизме стран современного мира. М.: Юрлитинформ, 2014. 192 с.
- Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 374 с.
- Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. 2-е изд. М.: Статут, 2019. 195 с.
- Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М.: Новый Юрист, 1998. 128 с.
- Договор как общеправовая ценность / под ред. В.М. Жуйкова. М.: Статут, 2018. 381 с.
- Ключарева Е.М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. 2015. № 11. С. 132–141.
- Недилько Ю.В. Роль толкования права в трансформации моделей принятия судебного решения в странах континентальной и англосаксонской правовых семей в современный период // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 2А. С. 56–64.
- Сизова В.Н. Уголовный проступок в зарубежном уголовном законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 22–25.
- Пелевина А.В. Ответственность за компьютерные преступления в англосаксонской правовой системе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 103–106.
- Dworkin R. Law's Empire. London: Oxford, 1998. 470 p.
- Ллойд Д. Идея права: репрессивное зло или социальная необходимость? Изд. 5-е. М.: Книгодел, 2009. 376 с.
- Свирин Ю.А. Дивергенция в системе права. М.: Астрa Полиграфия, 2012. 392 с.
- Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011. 496 с.
- Ищенко П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica. 2019. № 12. С. 68–79.
- Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности. М.: Юриспруденция, 2019. 144 с.

23. Белов С.А., Манжосов С.А. Решения международных судов: следование прецеденту или последовательная практика? // *Международное правосудие*. 2020. № 4. С. 3–21.
 24. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 352 с.
- REFERENCES**
1. Malko A.V., Lipinskiy D.A., Musatkina A.A., eds. *Yuridicheskaya otvetstvennost v pravovoy sisteme Rossii: normativnye i pravorealizatsionnye problemy vzaimosvyazey, vzaimodeystviya i protivorechiy* [Legal liability in legal system of Russia: regulative and law enforcement problems of interrelations, interaction, and contravention]. Moscow, RIOR Publ., 2020. 658 p.
 2. Kuzmin I.A. Comparative legal studies of legal liability: specific features. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 35, pp. 6–15.
 3. Belykh V.S. Specific features and general trends in the development of Anglo-Saxon and civil law systems. *Pravo i gosudarstvo*, 2016, no. 2, pp. 60–64.
 4. Rasskazov L.P. Anglo-Saxon legal family: genesis, main features and the most important sources. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, no. 105, pp. 949–963.
 5. Cooter R.D. Economic Theories of Legal Liability. *Journal of Economic Perspectives*, 1991, vol. 5, no. 3, pp. 11–30.
 6. Kozel R.J. Stare Decisis as Judicial Doctrine. *Washington and Lee Law Review*, 2010, vol. 67, no. 2, pp. 411–466.
 7. Marchenko M.N. Forms of judicial law and its peculiarities. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2006, no. 1, pp. 41–54.
 8. Cherkasov A.I. *Mestnoe upravlenie v konstitutsionnom mekhanizme stran sovremennogo mira* [Local government in constitutional mechanism of countries of modern world]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 192 p.
 9. Andreev Yu.N. *Otvetstvennost gosudarstva za prichinenie vreda: tsivilisticheskie aspekty* [State liability for injury: civil aspects]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2013. 374 p.
 10. Rykov I.Yu. *Subsidiarnaya otvetstvennost: tendentsii sovremennogo menedzhmenta* [Subsidiary liability: tendencies of modern management]. 2nd izd. Moscow, Statut Publ., 2019. 195 p.
 11. Malinovskiy A.A. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv* [Criminal law of foreign countries]. Moscow, Novyy Yurist Publ., 1998. 128 p.
 12. Zhuykov V.M., ed. *Dogovor kak obshchepravovaya tsennost* [An agreement as a general legal value]. Moscow, Statut Publ., 2018. 381 p.
 13. Klyuchareva E.M. The business judgment rule in directors' liability cases: law and practice of Delaware (USA), Germany and the Russian Federation. *Zakon*, 2015, no. 11, pp. 132–141.
 14. Nedilko Yu.V. The role of the interpretation of law in the transformation of models of judicial decision-making in the countries of the continental and Anglo-Saxon legal systems in the modern period. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, vol. 8, no. 2A, pp. 56–64.
 15. Sizova V.N. Criminal offense in foreign criminal laws. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2021, no. 2, pp. 22–25.
 16. Pelevina A.V. Responsibility for computer crimes in Anglo-Saxon legal system. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2016, no. 1, pp. 103–106.
 17. Dworkin R. *Law's Empire*. London, Oxford Publ., 1998. 470 p.
 18. Lloyd D. *Ideya prava: repressivnoe zlo ili sotsialnaya neobkhodimost?* [The idea of law: the repressive evil or social necessity?]. Izd. 5th. Moscow, Knigodel Publ., 2009. 376 p.
 19. Svirin Yu.A. *Divergentsiya v sisteme prava* [Divergence in the system of law]. Moscow, Astra Poligrafiiya Publ., 2012. 392 p.
 20. Maleshin D.Ya. *Grazhdanskaya protsessualnaya sistema Rossii* [Civil procedural system of Russia]. Moscow, Statut Publ., 2011. 496 p.
 21. Ishchenko P.P. Modern approaches to digitalization of pre-trial proceedings in criminal cases. *Lex russica*, 2019, no. 12, pp. 68–79.
 22. Zhilkin M.G. *Prestupleniya v sfere predprinimatelskoy deyatelnosti: problemy klassifikatsii i differentsiatsii otvetstvennosti* [Business crime: the issues of classification and differentiation of liability]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2019. 144 p.
 23. Belov S.A., Manzhosov S.A. Decisions of international courts: following precedents or consistent jurisprudence? *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2020, no. 4, pp. 3–21.
 24. Andreev V.K., Laptev V.A. *Korporativnoe pravo sovremennoy Rossii* [Corporate law of contemporary Russia]. 2nd izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 352 p.

SPECIAL ASPECTS OF INTERRELATIONS, INTERACTION AND CONTRADICTIONS OF LEGAL LIABILITY IN SOME COUNTRIES RELATING TO THE ANGLO-SAXON SYSTEM

© 2021

I.A. Kuzmin, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Constitutional Law
 Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice
 (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Irkutsk (Russia)

Keywords: Anglo-Saxon law system; system of legal liability; comparative law research; national legal system; judicial authorities; case law.

Abstract: The paper considers one of the understudied and controversial problems in the theory of law and branch legal sciences – the structural and substantive features of interrelations, interactions, and contradictions of legal liability in some countries related to the Anglo-Saxon law family (system). The purpose of this work is to provide general theoretical cha-

racteristics of specific properties of legal liability through the prism of internal and external signs of the Anglo-Saxon law system, based on regulatory sources, scientific works, materials of judicial practice, statistical, informational, and other empirical data. The author determines the objects, landmarks, and content of comparative law research of legal liability and proposes an author's technique of primary immersion into the range of problems. The study identifies general and particular features of the legal liability system and its elements within the family of common law with an emphasis on the legislation and practice of Great Britain and the United States of America. The author analyzes the participation of official bodies (officials) in the creation, implementation, and interpretation of various measures of legal liability. The paper presents the legal positions of the European Court of Human Rights. The study considers and differentiates the substantive and procedural-legal, as well as public and private aspects of assigning liability in the countries of the law family under consideration. The author formulates the reasons underlying the interrelations, interactions, and contradictions of the legal liability systems in the respective states. The study reveals the tendency to the interpenetration of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic law families affecting the qualitative indicators (grounds) of legal liability as a normative formation and protective means of law regulation. The author recommends studying the issue of using in the Russian Federation the positive experience of establishing and implementing liability in the countries of the Anglo-Saxon law system.

О ФАКТОРАХ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕТОДАХ БОРЬБЫ С НЕЙ

© 2021

А.В. Рамазанов, кандидат экономических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань (Россия)

Ключевые слова: факторы коррупционной преступности; коррупция; коррупционные преступления; социальный контроль над коррупцией.

Аннотация: Важность борьбы с коррупционными преступлениями не теряет своей актуальности, при этом высокая латентность таких преступлений подтверждает необходимость выявления совокупности факторов, влияющих на повышение и снижение уровня коррупционной преступности в стране. Статья посвящена исследованию факторов, порождающих коррупционную преступность в Российской Федерации, и факторов, способствующих снижению ее уровня. В статье проанализированы эмпирические данные с 2010 по 2021 годы по наиболее распространенным коррупционным преступлениям (ст. 290, 291 УК РФ), дела по которым направлены в суд. Проведен корреляционно-регрессионный анализ количественных факторов, которые могут повлиять на уровень коррупционной преступности в стране, на основании анализа сделаны выводы и даны рекомендации. Доказано, что увеличение численности работников МВД на 1 единицу ведет к уменьшению коррупционных преступлений в среднем на 0,0126 единицы, а увеличение численности служащих на федеральном уровне на 1 единицу приводит к снижению коррупционных преступлений в среднем на 0,998 единицы. Основным методом борьбы с коррупционной преступностью является уголовно-правовой метод, эффективность применения которого в свете декриминализации экономических преступлений вызывает сомнения. Для повышения эффективности борьбы с коррупционными преступлениями автором предложено создать институт Уполномоченного по антикоррупционной политике при Президенте РФ для объективного выявления коррупционных преступлений и независимого контроля за ходом расследования, принять меры по усилению открытости и обоснованности расходных статей бюджетной системы РФ.

ВВЕДЕНИЕ

Негативная волатильность экономической системы, вызванная санкциями западных стран и вспышкой новой коронавирусной инфекции COVID-19, проявляющаяся в росте инфляции, безработицы, снижении уровня доходов большей части населения, вкупе с развитием информационных технологий, несовершенстве действующего законодательства, в том числе из-за лоббирования корыстных интересов отдельных лиц, способствует еще большему разрастанию уровня коррупционной преступности в стране. Число преступлений коррупционной направленности в России в I квартале 2021 года выросло на 18,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, как следует из сборника Генпрокуратуры о состоянии преступности за январь – март 2021 года¹. Роль органов внутренних дел в борьбе с коррупционными преступлениями не вызывает сомнений. Не остаются в стороне и другие правоохранительные органы, совместная деятельность которых способствует изобличению коррупционеров и привлечению их к ответственности. Несмотря на активную деятельность правоохранительных органов, направленную на выявление преступлений коррупционной направленности и изобличение коррупционеров, количество таких преступлений продолжает расти. В связи с этим возникает необходимость выявления факторов, от которых зависит уровень коррупционной преступности в стране, для последующего воздействия на данные факторы.

Изучение практических сведений о коррупционных преступлениях за период с 2010 года по апрель 2021 года привело нас к выводам, что раскрываемость преступлений по ст. 290 и 291 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) составляет более 93 %². На рис. 1 представлена информация о преступлениях по ст. 290 УК РФ.

Официальная статистика о коррупционных преступлениях охватывает их неполный перечень в связи с невключением в статистические данные статей УК РФ, отраженных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Изучение научных публикаций о причинах совершения коррупционных преступлений показало, что ряд авторов в качестве причин возникновения коррупции выделяют психологические [1–3]. Другие авторы базовыми причинами считают экономические факторы как сращивание интересов бизнеса и власти [4–6], иные рассматривают их как социальное явление, перерастающее в формальные социальные институты [7–9]. Имеется большое число публикаций, в которых авторы доказывают взаимосвязь организованной преступности и коррупции [10–12]. Очевидно, что отсутствует единая точка зрения относительно причин (факторов), способствующих возникновению коррупции. Мы не выявили научных публикаций и официальных сведений органов власти, в которых сообщалось бы о влиянии количественного изменения субъектов коррупционных правоотношений

¹ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России: январь, февраль, март 2021 // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics>.

² Показатели преступности России. Динамика. Всего зарегистрировано преступлений // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

на эффективность борьбы с коррупционными преступлениями. Ранее нами было доказано, что рост зарплаты федеральных чиновников приводит к снижению общей суммы взяток, а рост доходов граждан – к увеличению [13].

Основным методом борьбы с коррупционной преступностью является уголовно-правовой метод, эффективность применения которого в свете декриминализации экономических преступлений вызывает сомнения. О необходимости совершенствования уголовной ответственности за коррупционные преступления до сих пор ведутся дискуссии. В частности, автор [14] рассуждает об эффективности назначения наказаний в виде штрафа и лишения возможности занимать определенные должности. В работе [15] предлагается применять к взяткополучателю «пожизненное лишение занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных полномочий для исключения повторного совершения коррупционного преступления» [15, с. 72]. В [16] указана необходимость закрепления в УК РФ минимального размера предмета

взятки и разграничения понятий «подарок» и «взятка» с учетом норм Гражданского кодекса РФ [16]. При этом нельзя не согласиться с авторами, утверждающими, что социальный контроль над коррупцией является более эффективным методом борьбы с нею в отличие от уголовно-правовых методов [17–19].

Обзор литературы показал необходимость расширить существующую теоретико-методологическую базу для дополнения перечня факторов, влияющих на коррупционные преступления.

Цель исследования – выявление и оценка факторов, которые могут повлиять на уровень коррупционной преступности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

На основе изучения эмпирических данных из Портала правовой статистики (crimestat.ru), открытых сведений из СМИ и обзора научной литературы по теме исследования выявлены и обобщены факторы, влияющие на коррупционную преступность в России. Проведенный

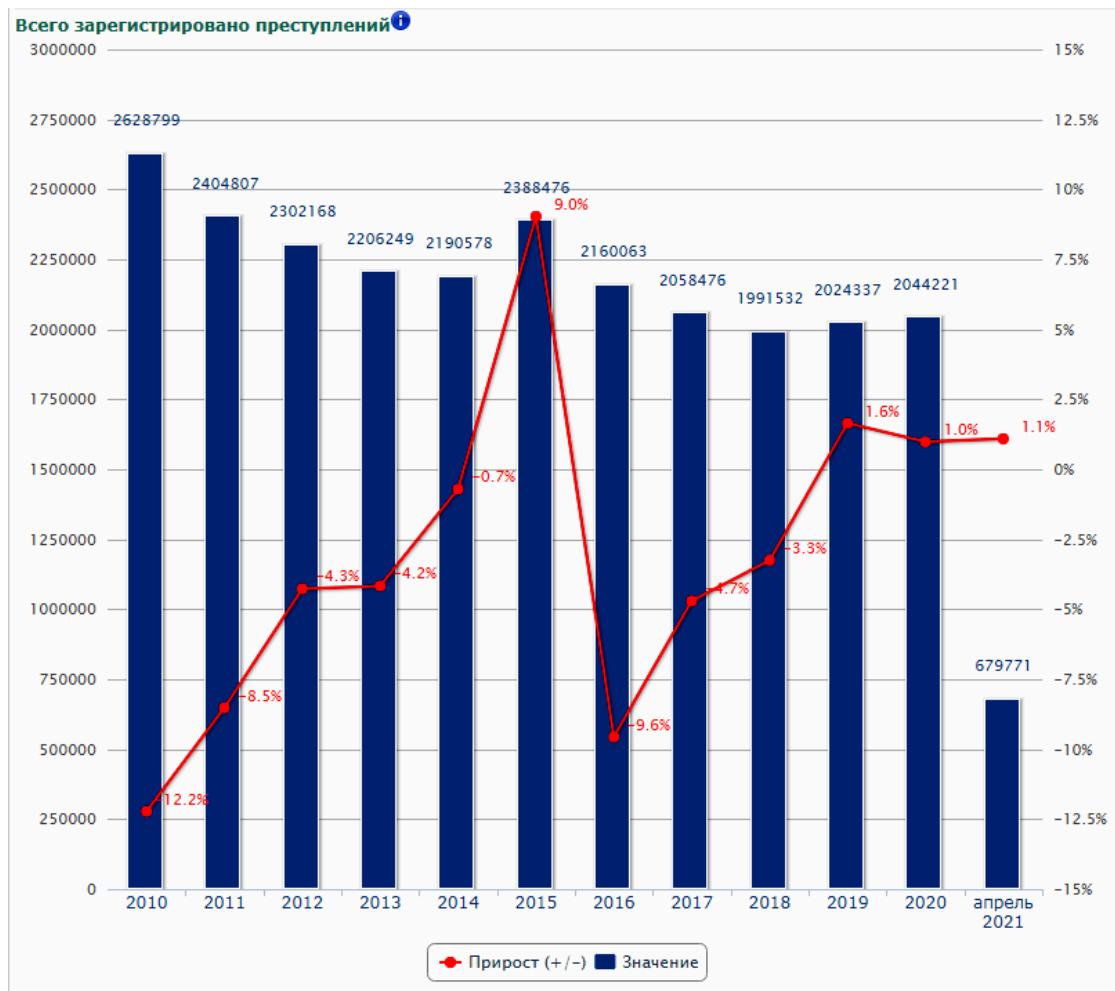


Рис. 1. Количество преступлений по ст. 290 УК РФ («Получение взятки»), уголовные дела о которых направлены в суд³

³ Показатели преступности России. Динамика. Всего зарегистрировано преступлений // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

в работе корреляционно-регрессионный анализ позволил установить причинно-следственную связь положительного влияния роста числа сотрудников МВД на снижение уровня коррупционной преступности в стране.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Оценим факторы, влияющие на коррупционную преступность, например влияние численности сотрудников МВД и численности служащих на федеральном уровне на количество обвинительных приговоров по преступлениям коррупционной направленности (таблица 1).

На основании данных из таблицы 1 проведем корреляционно-регрессионный анализ. К матрице с переменными X_j добавим единичный столбец:

1	656 301	49 599
1	655 910	49 137
1	719 137	49 040
1	712 252	49 677
1	746 859	49 612
1	746 000	50 940

Матрица Y :

11 934
12 691
12 145
11 024
10 684
9 803

Матрица X^T :

1	1	1	1	1	1
656 301	655 910	719 137	712 252	746 859	746 000
49 599	49 137	49 040	49 677	49 612	50 940

Произведем умножение матриц:

$X^T \cdot X =$	6	4 236 459	298 005
	4 236 459	2 999 724 232 855	210 484 752 761
	298 005	210 484 752 761	14 803 465 643

Таблица 1. Факторы, влияющие на коррупционную преступность

Факторы	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Численность работников МВД ^{4,5}	656 301	655 910	719 137	712 252	746 859	746 000
Численность служащих на федеральном уровне ⁶	49 599	49 137	49 040	49 677	49 612	50 940
Вынесено судами обвинительных приговоров по преступлениям коррупционной направленности ^{7,8,9,10,11}	11 934	12 691	12 145	11 024	10 684	9 803

⁴ Численность работников МВД на конец отчетного периода, фактически (человек) // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/700>.

⁵ Россия – страна полицейских. Зачем нужен огромный штат МВД // Регионы России. URL: <https://www.gosrf.ru/news/41631/>.

⁶ Зарплаты и численность чиновников по данным Росстат // Статистика и показатели региональные и федеральные. URL: <https://rosinfostat.ru/zarplaty-i-chislennost-chinovnikov/>.

⁷ Статистические и аналитические материалы о состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/doks/document-81540/>.

⁸ Генеральной прокуратурой Российской Федерации проанализировано состояние коррупционной преступности по итогам 2019 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1817130/>.

⁹ Генпрокуратура отчиталась о числе осужденных за коррупцию силовиков и депутатов // Newsru.com. URL: <https://www.newsru.com/russia/23apr2018/genproc.html>.

¹⁰ Участие органов прокуратуры России в противодействии коррупции. URL: <https://obruchev.mos.ru/O-PROTIVODEJSTVII-KORRUPCII/uchastie-organov-prokuratury-rossii-v-protivodejstvii-korrupcii.pdf>.

¹¹ Аналитическая справка «О состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией за 2015 год». URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/95e/2015.doc>.

а также:

$$X^T \cdot Y = \begin{bmatrix} 68\,281 \\ 48\,034\,714\,413 \\ 3\,388\,161\,609 \end{bmatrix}$$

Найдем обратную матрицу:

$$(X^T \cdot X)^{-1} = \begin{bmatrix} 1\,176,512 & 0,000\,129 & -0,025\,5 \\ 0,000\,129 & 0 & 0 \\ -0,025\,5 & 0 & 1,0 \cdot 10^{-6} \end{bmatrix}$$

Вектор оценок коэффициентов регрессии:

$$Y(X) = \begin{bmatrix} 1\,176,512 & 0,000\,129 & -0,025\,5 \\ 0,000\,129 & 0 & 0 \\ -0,025\,5 & 0 & 1,0 \cdot 10^{-6} \end{bmatrix} \times$$

$$\times \begin{bmatrix} 68\,281 \\ 48\,034\,714\,413 \\ 3\,388\,161\,609 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 69\,840,557 \\ -0,012\,6 \\ -0,998 \end{bmatrix}$$

Уравнение регрессии (оценка уравнения регрессии)

$$Y = 69840,5574 - 0,0126X_1 - 0,9979X_2.$$

Матрица парных коэффициентов корреляции R .

Число наблюдений $n=6$. Число независимых переменных в модели равно 2, а число регрессоров с учетом единичного вектора равно числу неизвестных коэффициентов. С учетом признака Y размерность матрицы становится равной 4. Матрица независимых переменных X имеет размерность (6×4) .

Матрица A , состоящая из Y и X :

1	11 934	656 301	49 599
1	12 691	655 910	49 137
1	12 145	719 137	49 040
1	11 024	712 252	49 677
1	10 684	746 859	49 612
1	9 803	746 000	50 940

Транспонированная матрица:

1	1	1	1	1	1
11 934	12 691	12 145	11 024	10 684	9 803
656 301	655 910	719 137	712 252	746 859	746 000
49 599	49 137	49 040	49 677	49 612	50 940

Матрица $X^T X$:

6	68 281	4 236 459	298 005
68 281	782 758 103	48 034 714 413	3 388 161 609
4 236 459	48 034 714 413	2 999 724 232 855	210 484 752 761
298 005	3 388 161 609	210 484 752 761	14 803 465 643

Нахождение парных коэффициентов корреляции:

$$r_{yx1} = \frac{8\,005\,785\,735,5 - 706\,076,5 \cdot 11\,380,167}{37\,550,166 \cdot 975,444} = -0,805$$

(сильная линейная связь между x_1 и y).

$$r_{yx2} = \frac{564\,693\,601,5 - 49\,667,5 \cdot 11\,380,167}{619,449 \cdot 975,444} = -0,879$$

(сильная линейная связь между x_2 и y).

$$r_{x1x2} = \frac{35\,080\,792\,126,833 - 49\,667,5 \cdot 706\,076,5}{619,449 \cdot 37\,550,166} = 0,505$$

(умеренная линейная связь между x_2 и x_1).

$$R^2 = 1 - (301\,408,949 - 5\,708\,942,83) = 0,9472.$$

Проверка гипотезы об одновременном равенстве нулю всех коэффициентов регрессии при объясняющих переменных:

если

$$F < F_{kp} = F_{\alpha, n-m-1},$$

то нет оснований для отклонения гипотезы H_0 .

$$F = \frac{0,9472}{1 - 0,9472} \cdot \frac{6 - 2 - 1}{2} = 26,911.$$

Табличное значение при степенях свободы $k_1 = 2$ и $k_2 = m - n - 1 = 6 - 2 - 1 = 3$, $F_{kp}(2;3) = 9,55$. Поскольку фактическое значение $F > F_{kp}$, то коэффициент детерминации статистически значим и уравнение регрессии статистически надежно.

Увеличение X_1 (численности работников МВД) на 1 ед. изм. ведет к уменьшению Y (коррупционных преступлений) в среднем на 0,0126 ед. изм.; увеличение X_2 (численности служащих на федеральном уровне) на 1 ед. изм. приводит к снижению Y в среднем на 0,998 ед. изм. Доказано, что в исследуемой ситуации 94,72 % общей вариабельности Y объясняется изменением факторов X_j .

Увеличение численности работников МВД в меньшей степени влияет на снижение уровня коррупционной преступности, что связано с тем, что помимо МВД расследованием коррупционных преступлений занимаются сотрудники СК РФ, ФСБ РФ. При этом рост числа служащих на федеральном уровне на 1 единицу

фактически приводит к уменьшению на 1 единицу числа судебных решений по коррупционным преступлениям. Нельзя не согласиться с точкой зрения, что следует улучшать методы социального контроля над коррупцией в России [20]. В таблице 2 отобразим систему неофициального социального контроля над коррупцией в России.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Из таблицы 2 мы видим, что система неформального социального контроля над коррупцией в России не работает, поскольку не порицает «бытовую» коррупцию, считая ее допустимой и общепринятой, что потом, как правило, приводит к эволюции коррупционной преступности. Субъекты, принимающие участие в реализации бытовой коррупции, получают опыт, который в последующем реализуют для решения более сложных проблем. Происходит эмпирическое научение социально одобряемым навыкам как со стороны инициаторов коррупционной сделки, так и со стороны иных участников такой сделки. Большое значение имеет и то, что масштабы бытовой коррупции обычно шире и с точки зрения общества менее опасны, в отличие от коррупции в высших органах власти и управления, что в корне неправильно с позиции предотвращения и минимизации уровня коррупционной преступности в стране.

Во многих странах социальный контроль как средство противодействия коррупции опирается на доктрину открытого правительства (Open Government), которая обосновывает право граждан на доступ к информации, документам и решениям государственных органов и должностных лиц [22]. Например, в США открытое правительство предполагает обеспечение доступа: к государственным материалам и документам, имеющим публичный характер; в органы государственной власти, в том числе на заседания и конференции, где обсуждаются и решаются государственные вопросы; в учреждения, осуществляющие деятельность, не связанную с процессом принятия решений, такие как тюрьмы, государственные больницы и учебные заведения.

В зарубежном журнале “NATO Review” опубликованы меры, способствующие развитию, предупреждению и минимизации коррупции. Авторы выделили фак-

торы, создающие возможности для коррупции (полномочия принимать решения по собственному усмотрению, засилье нормативных положений и бюрократии, ограничения по конкуренции, отсутствие учета материальных ресурсов, таких как внешняя помощь, природные ресурсы и т. д.), и факторы, создающие ограничения для тех, кто разбазаривает государственные ресурсы, такие как независимость судебных органов и способность граждан к коллективным действиям¹². Они также проверили, как соотносятся показатели по этим факторам с контролем над коррупцией, и обнаружили положительную корреляцию между ними. Это говорит о том, что существует механизм контролирования коррупции, который проходит насквозь через все государство и общество, речь идет о равновесии между ресурсами и ограничениями, закрепленном в более широком контексте развития, но также формирующем конкретный политический контекст. В ходе анализа авторы выяснили, что единственный инструмент, который способствует усилению общественного контроля над коррупцией, – прозрачность бюджета, достигаемая через свободу прессы и цифровую грамотность граждан.

В России социальный контроль имеет прочную правовую основу и постепенно приобретает структурированную систему. Достаточно много в России общественных палат, общественных советов, куда включаются известные личности, как правило, представители культуры и спорта, при этом рядовые граждане там фактически мало представлены. К тому же эффективность деятельности данных общественных советов, палат неизвестна широкому кругу лиц, поскольку на практике они единогласно одобряют меры, принимаемые органами власти.

Снижению числа коррупционных преступлений может способствовать деятельность органов власти по усилению мер неформального социального контроля над коррупцией. Религиозные, культурные, образовательные учреждения в стране должны способствовать формированию такого мировоззрения у подрастающего поколения, которое бы вызывало негативные ассоциации с коррупцией и демонстрировало негативные последствия для общества при разрастании коррупционной преступности. Не стоит забывать и о необходимости

Таблица 2. Система неофициального социального контроля над коррупцией в России

Вид	Недостатки
Семья	Поощрение «бытовой коррупции», безразличие к «левым» доходам для семьи из-за низкого уровня доходов населения
Детский сад, школа, вуз	Присутствие «бытовой коррупции», отсутствие системной образовательной программы по нетерпимости коррупции
Религия	«Плохой» пример представителей церкви, едущих на дорогах внедорожниках и часто мелькающих пьяными за рулем
Культура	Посещение объектов культуры – это дорогое удовольствие. В современных кинофильмах как обыденность демонстрируются проявления коррупции и неэффективность правоохранительных органов в борьбе с ней

¹²Переосмысление борьбы с коррупцией // Вестник НАТО. URL: <https://www.nato.int/docu/review/2016/Also-in-2016/anticorruption-corruption-laws-regulation-control-anticorrupt-budget-index/RU/index.htm>.

постоянного повышения уровня жизни граждан, о чем неоднократно заявлял президент России В.В. Путин, что будет способствовать снижению коррупционных рисков, поскольку необходимость совершать коррупционные действия отпадет.

Обозначим ряд направлений, эмпирическая реализация которых приведет к снижению возможностей для совершения коррупционных преступлений:

– введение для общественных объединений, взаимодействующих с органами власти по актуальным публичным вопросам, обязательной отчетности о результатах и эффективности своего взаимодействия с органами власти, что будет являться элементом отчетности перед обществом. Если законодательный орган власти будет в обязательном порядке отображать информацию об инициаторах каждого законопроекта, то это позволит снизить случаи скрытого лоббирования законов, противоречащих интересам общества;

– создание института Уполномоченного по антикоррупционной политике при Президенте РФ, который бы имел широкие полномочия по контролю за антикоррупционной политикой в России, в том числе инициировал проверку информации из СМИ, иных источников и возбуждение уголовных дел по коррупционным преступлениям. Это необходимо для выявления коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов и судебной системы;

– принятие мер по усилению прозрачности, обоснованности расходных статей бюджетной системы РФ, включая обоснованность тарифов, утверждаемых соответствующими профильными комитетами на федеральном, региональном и местном уровнях. Решению проблемы прозрачности, обоснованности расходных статей бюджетной системы может помочь введение публичного реестра проблемных объектов, требующих бюджетного финансирования, а также категоризация таких объектов по срочности.

Реализация предложенных мероприятий не окажет заметного влияния на финансовое состояние бюджета страны и не потребует больших временных затрат на реализацию.

Полученные в исследовании результаты неоднозначны. С одной стороны, увеличение числа сотрудников МВД снижает уровень коррупционной преступности, с другой стороны, увеличение числа федеральных государственных гражданских служащих также приводит к снижению коррупционных преступлений. Последнее обстоятельство объяснимо необходимостью дополнительного времени и сложностью выстраивания, поддержания коррупционной сети в связи с приходом новых, переводом на иные рабочие места государственных гражданских служащих, что приводит к ослаблению коррупционной сети, сокращению числа коррупционных сделок.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Доказано влияние увеличения числа работников МВД и числа служащих на федеральном уровне на снижение количества коррупционных преступлений. Полученные результаты статистически значимы и дополняют существующую теоретико-методологическую базу исследований, посвященную выявлению, предупреждению

и раскрытию коррупционных преступлений. В связи с продолжающимся ростом уровня коррупционной преступности в России очевидна неэффективность применения мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступления коррупционной направленности, в связи с этим автор указывает на необходимость усиления мер социального контроля над коррупцией в России с целью предупреждения и минимизации ее уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нисневич Ю.А., Томилова Е.А. Влияние мотивации на коррупционное поведение должностных лиц в системе публичной власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 1. С. 25–35.
2. Рябов В.Б. Психология коррупции как новое перспективное направление в отечественной психологической науке // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1. С. 204–222.
3. Киселев В.В., Гнездилов Г.В. Методологические и методические проблемы изучения психологии коррупции и антикоррупционного поведения // Право и образование. 2019. № 3. С. 28–34.
4. Ломсадзе Д.Г., Удовиченко А.И. Теневая экономика: опыт по борьбе с коррупцией и мошенничеством в ЕС // Современная экономика: проблемы и решения. 2018. № 10. С. 44–51.
5. Суходолов А.П., Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5. С. 634–640.
6. Озина А.М., Каришина И.Е. Коррупция в органах государственной власти: проблемы, последствия, меры противодействия // KANT. 2020. № 3. С. 77–82.
7. Ширманов Е.В. Коррупция: на пути от социального явления к социальному институту // Проблемы права. 2019. № 4. С. 23–27.
8. Трунцевский Е.В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 157–168.
9. Голуб Н.Н., Кудлай А.А. Бытовая коррупция: сферы проявления и способы преодоления // Вестник международного юридического института. 2018. № 1. С. 76–82.
10. Хазов Е.Н., Богданов А.В. Организованная преступность и коррупция в России // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 72–76.
11. Фролова О.В., Фролов В.В. Организованная преступность и коррупция в России: проблемы противодействия // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 25. С. 102–107.
12. Ищук Я.Г. Коррупция: вопросы теоретического осмысления // Академическая мысль. 2018. № 1. С. 45–50.
13. Рамазанов А.В. Особенности проявления коррупции в России и меры по противодействию коррупционным преступлениям // Плехановский барометр. 2019. № 3. С. 20–23.

14. Хутуев В.А. К вопросу об эффективности уголовного наказания за получение взятки // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 54–55.
15. Александрова Н.С. К вопросу о назначении некоторых видов наказаний за получение взятки // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2020. № 2. С. 69–72.
16. Волокитин Р.Г. Проблемы уголовной ответственности за получение взятки // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 27. С. 61–63.
17. Тимошенко И.Г. Социальный контроль как средство противодействия коррупции в зарубежных государствах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 102–109.
18. Вородухин С.Е. Коррупция как социальное явление и меры борьбы с ней // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 4. С. 42–47.
19. Хабриева Т.Я. Социальный контроль и противодействие коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 5–10.
20. Мельников А.П. Противодействие коррупции в современной Германии и России // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2020. № 19. С. 162–169.
6. Ozina A.M., Karishina I.E. Corruption in public authorities: problems, consequences, counteraction measures. *KANT*, 2020, no. 3, pp. 77–82.
7. Shirmanov E.V. Corruption: from a social phenomenon to social institution. *Problemy prava*, 2019, no. 4, pp. 23–27.
8. Truntsevskiy E.V. Petty (everyday) corruption: concept and social value. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2018, no. 1, pp. 157–168.
9. Golub N.N., Kudlay A.A. Everyday corruption: the sphere of manifestation and ways of overcoming. *Vestnik mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta*, 2018, no. 1, pp. 76–82.
10. Khazov E.N., Bogdanov A.V. Organized crime and corruption in Russia. *Kriminologicheskij zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 72–76.
11. Frolova O.V., Frolov V.V. Organized criminality and corruption in Russia: the problems of countering. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 25, pp. 102–17.
12. Ishchuk Ya.G. Corruption: the questions of theoretical comprehension. *Akademicheskaya mysl*, 2018, no. 1, pp. 45–50.
13. Ramazanov A.V. Special aspects of corruption manifestation in Russia and measures for counteracting corruption-related crimes. *Plekhanovskiy barometr*, 2019, no. 3, pp. 20–23.
14. Khutuev V.A. To the question of efficiency criminal penalty for bribery. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 54–55.
15. Aleksandrova N.S. On the issue of assigning certain types of punishments for receiving a bribe. *Vestnik Dimitrovgradskogo inzhenerno-tekhnologicheskogo instituta*, 2020, no. 2, pp. 69–72.
16. Volokitin R.G. The problems of criminal liability for bribery. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 27, pp. 61–63.
17. Timoshenko I.G. Social control as anti-corruption tool in the foreign countries. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2018, no. 1, pp. 102–109.
18. Vorodyukhin S.E. Corruption as a social phenomenon and measures to combat it. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*, 2020, no. 4, pp. 42–47.
19. Khabrieva T.Ya. Social control and anti-corruption. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2017, no. 4, pp. 5–10.
20. Melnikov A.P. Struggle against corruption in contemporary Germany and Russia. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly*, 2020, no. 19, pp. 162–169.

REFERENCES

1. Nisnevich Yu.A., Tomilova E.A. The influence of motivation of public officials on their corrupt behavior in the system of public authority. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2016, no. 1, pp. 25–35.
2. Ryabov V.B. The psychology of corruption as a promising new direction in the domestic psychological science. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 204–222.
3. Kiselev V.V., Gnezdilov G.V. Methodological and methodical problems of studying the psychology of corruption and anti-corruption behavior. *Pravo i obrazovanie*, 2019, no. 3, pp. 28–34.
4. Lomsadze D.G., Udovichenko A.I. Shadow economy: experience in fighting corruption and fraud in the EU. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya*, 2018, no. 10, pp. 44–51.
5. Sukhodolov A.P., Ivantsov S.V., Sidorenko E.L., Spasennikov B.A. Street-level corruption in Russia: basic criminological parameters. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 634–640.

**CONCERNING THE FACTORS OF CORRUPTION-RELATED CRIMES
IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE METHODS OF COMBATING IT**

© 2021

A.V. Ramazanov, PhD (Economics), Associate Professor,
senior lecturer of Chair of Civil-Legal Disciplines
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan (Russia)

Keywords: factors of corruption-related crimes; corruption; corruption crimes; social control over corruption.

Abstract: The importance of combating corruption-related crimes is relevant; furthermore, the high latency of such crimes confirms the necessity to identify the combination of factors influencing the increase and decrease in the level of corruption-related crimes in the country. The paper deals with the study of factors causing corruption-related crimes in the Russian Federation and those promoting the decrease in its level. The paper analyses the empirical data for 2010-2021 on the most common corruption crimes (Art. 290, 291 of the RF CC), the cases of which have been referred to court. The author carried out the correlation-regression analysis of quantitative factors, which can influence the level of corruption crimes in the country, and, based on the analysis, made the conclusions and gave recommendations. The study proves that the increase in the number of employees of the Ministry of Internal Affairs per one unit leads to the decrease in the number of corruption-related crimes on average by 0.0126 units, and the increase in the number of employees on the federal level per one unit leads to the decrease in the number of corruption-related crimes on average by 0.998 units. The study proves that the increase in the number of employees of the Ministry of Internal Affairs per one unit leads to the decrease in the number of corruption-related crimes in average by 0.0126 units; and the increase in the number of employees on the federal level per one unit leads to the decrease in the number of corruption-related crimes in average by 0.998 units. The main method of combating the corruption-related crimes is a criminal legal method, which application efficiency causes doubt in terms of economic crimes decriminalization. To improve the efficiency of combating the corruption crimes, the author proposes creating the institution of a Commissioner for Anti-Corruption Policy under the RF President for the reliable identification of corruption crimes and independent control over the investigation, introducing measures to strengthen openness and justification of the RF budget system expenditures.

ЭЛЕКТРОННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ МВД РОССИИ И В УПК РФ)

© 2021

П.А. Самойлов, заместитель начальника отдела полиции № 21

Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Тольятти, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: заявление о преступлении; повод для возбуждения уголовного дела; обращения граждан; уголовно-процессуальные документы в электронной форме.

Аннотация: Внедрение и активное использование электронного документооборота в повседневную деятельность полиции последовательно и логично привело к тому, что в качестве повода для возбуждения уголовных дел все чаще используется электронная форма заявления о преступлении. Рассмотрение таких заявлений достаточно подробно регламентировано ведомственными нормативно-правовыми актами МВД России. Однако в соответствии с УПК РФ далеко не все электронные заявления о преступлениях, регистрируемые ОВД, отвечают установленным требованиям, соответственно, они не могут выполнять функцию уголовно-процессуального повода. В указанной ситуации при очевидной актуальности электронных документов налицо пример противоречия и пробела в праве, который в некотором смысле препятствует развитию электронной формы взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности и может привести к негативным последствиям. В статье анализируются и сопоставляются положения ряда нормативных источников, регламентирующих прием и рассмотрение органами внутренних дел Российской Федерации электронных заявлений о преступлениях, и нормы уголовно-процессуального законодательства. Критически оцениваются установленные ведомственными нормативно-правовыми актами МВД РФ легальные определения понятия «заявление о преступлении» и некоторые организационно-правовые механизмы приема и рассмотрения электронных заявлений о преступлениях. Выделяются и уточняются правила подачи, обязательные реквизиты и некоторые другие требования, предъявляемые к электронным заявлениям о преступлении, которые должны соблюдаться исходя из положений уголовно-процессуального закона. На основе полученных данных предлагаются рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и алгоритма приема электронных заявлений о преступлениях с использованием официальных сайтов ОВД МВД РФ.

ВВЕДЕНИЕ

Современные технологии существенно упрощают взаимодействие между людьми. Мобильные телефоны, факсимильная связь, Интернет, мессенджеры уже давно и прочно укоренились в общественном сознании как вполне естественные вещи и активно используются для коммуникации, в том числе и между гражданами и государственными органами. Это вполне оправданно, поскольку техника способствует ускорению процесса обмена информацией, снижению бумажного документооборота, но, пожалуй, главный плюс состоит в том, что электронные документы и интернет-технологии позволяют устранить необходимость личного присутствия при предоставлении заявления, жалобы, запроса, в том числе и в государственные органы (что актуально и с позиции профилактики распространения новой коронавирусной инфекции). Здесь можно также отметить положительную сторону введения в повседневный обиход федеральной государственной информационной системы – портала «Госуслуги».

Внедрение и развитие электронного документооборота – это актуальное направление в системе МВД России. Еще в 2012 году была утверждена Концепция создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 годах¹. Отдельным пунктом реализации указанной кон-

цепции выделены вопросы совершенствования работы по рассмотрению обращений и заявлений граждан в электронной форме. Вполне ожидаемо, что нормы, регламентирующие прием и рассмотрение заявлений в электронной форме, нашли отражение и в основополагающих нормативно-правовых актах МВД России. Речь идет об Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации² (далее – Приказ МВД России от 12.09.2013 № 707) и Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях³ (далее – Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736)³.

аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 годах: Приказ МВД РФ от 30 марта 2012 г. № 205 // Гарант: информационно-правовой портал.

² *Российская Федерация. Приказы. Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 // Гарант: информационно-правовой портал.*

³ *Российская Федерация. Приказы. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Гарант: информационно-правовой портал.*

¹ *Российская Федерация. Приказы. Об утверждении концепции создания единой системы информационно-*

Особую актуальность рассмотрение органами внутренних дел (далее – ОВД) РФ электронных заявлений приобретает в современных реалиях, когда существенная доля преступлений совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий. Для таких преступлений характерно, что место совершения преступления, а соответственно, и место производства предварительного расследования (ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации РФ⁴ (далее – УПК РФ)) может находиться на значительном удалении от потерпевшего. Согласно сложившейся практике, следователю (дознавателю) в таких случаях при наличии оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела вполне достаточно распечатанного электронного заявления с отметкой о его регистрации в книге учета сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях (далее – КУСП) и резолюции руководителя ОВД. Однако возникает вопрос, насколько такое заявление соответствует установленным УПК РФ требованиям, предъявляемым к заявлению о преступлении как к поводу для возбуждения уголовного дела, и, соответственно, насколько законным будет такое решение. Проведенный с использованием сервисов системы электронного документооборота МВД РФ анализ поступающих в ОВД электронных заявлений о преступлениях показал, что в подавляющем большинстве случаев они не содержат всех обязательных реквизитов, следовательно, формально не могут служить поводами для возбуждения уголовного дела. Таким образом, наличие противоречия между оправданным стремлением ОВД РФ использовать в своей деятельности электронные формы обращений граждан и уголовно-процессуальной законностью таких документов. С учетом сказанного следует согласиться с исследователями в области этики искусственного интеллекта, которые утверждают, что несоответствие технологии действующему законодательству однозначно является препятствием для ее использования и предполагает необходимость проведения юридической оценки [1].

Подробный анализ имеющейся литературы по рассматриваемому вопросу показал, что все авторы безапелляционно высказываются за развитие и активное использование электронных документов в уголовно-процессуальной деятельности. При этом ученые и практики единодушны в том, что главной проблемой электронных заявлений о преступлениях является анонимность заявителя. По способам решения указанного вопроса мнения расходятся, но в целом их можно объединить в три основные группы.

Исследователи первой группы высказываются за полный переход к электронной регистрации заявлений с внедрением и активным использованием электронной подписи [2; 3]. Вторые справедливо отмечают, что повсеместное использование электронной подписи пока невозможно ввиду недостаточного распространения самой технологии и отсутствия системы быстрого

взаимодействия правоохранительных органов и удостоверяющих центров. В качестве альтернативы предлагаются различные варианты, например направление заявления через личный кабинет системы «Госуслуги» или же проставление оригинальной подписи, выполненной с использованием стилуса или компьютерной мыши и т. д. [4; 5]. Третьи говорят о том, что, исходя из информационной природы повода как побудительного сигнала, подпись в электронном заявлении о преступлении – реквизит полезный, но необязательный. Информация о преступлении подлежит регистрации и проверке, а значит, электронное заявление способно выполнять функцию повода. При этом сторонники такого подхода обращают внимание на необходимость предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос при подаче электронного заявления [6; 7].

Таким образом, в общем виде тема электронных заявлений о преступлении в науке рассмотрена, однако в целях выработки более точной и приемлемой позиции с учетом современных реалий практической деятельности есть необходимость более детально исследовать соотношение алгоритмов приема и рассмотрения электронных заявлений о преступлениях, предусмотренных нормативно-правовыми актами МВД РФ и правилами УПК РФ.

Цель работы – выявление недостатков нормативного регулирования и организационно-технического обеспечения процедуры обработки ОВД РФ электронных заявлений о преступлениях и выработка рекомендаций по их устранению.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для реализации цели исследования были последовательно проанализированы нормативные источники и материалы теоретических исследований по рассматриваемой проблематике. В результате были выделены и сформулированы правила приема и рассмотрения обращений и заявлений о преступлениях в электронной форме, содержащиеся в двух вышеуказанных Инструкциях МВД России. Далее указанные нормы сопоставлялись с требованиями УПК РФ, предъявляемыми к поводам для возбуждения уголовного дела, в результате чего были установлены противоречия и пробелы. Обобщение материала позволило выработать актуальные рекомендации по совершенствованию системы приема ОВД РФ электронных заявлений о преступлениях и предложения по оптимизации юридической техники уголовно-процессуального закона применительно к расширению возможностей использования электронного документооборота.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приказ МВД России от 12.09.2013 № 707 во многом дублирует положения Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁵, поэтому вполне

⁴ Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 07.04.2020 [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года; одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // Гарант: информационно-правовой портал.

⁵ Российская Федерация. Законы. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

логично, что заявление о преступлении рассматривается данным приказом как один из видов обращений граждан [8]. В тексте Приказа МВД России от 12.09.2013 № 707 даны определения понятий «обращение» и «заявление» и вполне конкретно регламентирован алгоритм действий должностных лиц ОВД РФ в случаях, когда в обращении содержатся сведения о преступлении. Если обобщить указанные дефиниции и правила, понятие «заявление о преступлении» (исходя из буквального содержания и смысла норм Приказа МВД России от 12.09.2013 № 707) можно сформулировать как обращение гражданина в государственный орган в письменной форме или в форме электронного документа, содержащее просьбу о содействии в реализации его конституционных прав и (или) содержащее сообщение о преступлении как о нарушении закона. Такое заявление подлежит обязательной регистрации в КУСП и должно рассматриваться в порядке, установленном УПК РФ. Безусловно, приведенное определение как минимум неоднозначно. Можно отметить отсутствие упоминания устной формы заявления (Приказ МВД России от 12.09.2013 № 707 в основном регламентирует работу с письменными обращениями), использование спорного термина «гражданин» (как будто не гражданин не может заявить о преступлении) и т. д. Однако, возвращаясь к теме статьи, обратим внимание на то, что в рамках рассматриваемого приказа МВД РФ порядок проверки заявления о преступлении, поступившего в форме электронного документа, отличается от простой письменной формы только процедурой распечатывания. Что касается обязательных реквизитов, то здесь разница состоит в том, что заявление в письменной форме (помимо фамилии, имени, отчества заявителя и адреса для направления ответа) должно дополнительно содержать дату с личной подписью. Последний реквизит – личная подпись – оценивается нами как принципиально значимый, так как это связующее звено между документом и его автором [9]. Однако при направлении в ОВД РФ заявлений о преступлении в электронной форме проставление личной подписи не требуется, хотя ее необходимость очевидна. К тому же Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ был принят еще в 2011 году, так что технические и правовые инструменты заверения заявления электронной подписью (или оригинальной подписью на письменном заявлении с последующим сканированием) на момент издания приказа существовали. На наш взгляд, отсутствие требования о подписании электронного обращения обусловлено двумя причинами. Первая состоит в способе направления обращений в электронной форме. В настоящий момент Приказом МВД России от 12.09.2013 № 707 предусмотрен единственный способ направления заявлений о преступлении в электронной форме – интернет-обращение на официальном сайте ОВД РФ. Для приема интернет-обращений применяется программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение гражданином необходимых реквизитов в электронной форме обращения на официальном сайте ОВД. Проблема заключается в том, что указанное программное обеспечение не предусматривает возможности подписания заявления электронной подписью (подписать можно только файлы, которые прикрепляются к обращению). Вторая

причина – отсутствие широкого распространения электронной подписи. Очевидно, что нельзя ставить право гражданина на обращение и рассмотрение этого обращения в зависимость от фактического наличия у него сертифицированной электронной подписи [4]. Однако вернемся к вопросу, насколько приемлемо использование такого интернет-обращения в качестве повода для возбуждения уголовного дела? Добавим, что в Приказе МВД России от 12.09.2013 № 707 ничего не говорится об уголовной ответственности за заведомо ложное заявление. Единственная упомянутая форма реагирования на заявления, содержащие заведомо ложные сведения, в том числе и о совершенном преступлении, – это возможность по решению суда взыскать с гражданина расходы, понесенные ОВД в связи с рассмотрением его обращения. Такая санкция носит явный гражданско-правовой характер.

Перейдем к анализу текста другой Инструкции, утвержденной Приказом МВД России от 29.08.2014 № 736, которая уже предметно, последовательно и более детально регламентирует вопросы приема и рассмотрения заявлений о преступлениях. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 содержит определение понятия «заявление о преступлении». Однако, следуя прагматическому подходу, ее авторы отринули теоретические формулировки и в п. 2.1.1 просто перечислили почти все предусмотренные в статьях УПК РФ поводы для возбуждения уголовного дела с указанием их форм (устной и письменной) и способов оформления (протоколы), в том числе даже такой повод, как постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования. Возможно, с практической точки зрения такой подход и оправдан: приказ дает простой алгоритм и прямо указывает правоприменителю на то, какие сообщения, содержащие сведения о преступлениях, подлежат регистрации в КУСП и разрешаются в порядке, предусмотренном УПК РФ [10]. Но тогда непонятно, почему в этом перечне отсутствует заявление о преступлении в электронной форме, то есть формально электронное заявление о преступлении не является заявлением о преступлении. Можно подумать, что электронная форма заявления не включена в перечень специально, поскольку оно не соответствует требованиям УПК РФ, но дальнейший анализ текста Приказа МВД России от 29.04.2014 № 736 показал, как просто был восполнен этот юридический пробел. В соответствии с п. 10 и 11 Инструкции для приема заявлений о преступлениях в электронной форме, направляемых посредством официальных сайтов, применяется программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение заявителем реквизитов, необходимых для работы с заявлениями о преступлениях. Поступившие электронные заявления распечатываются на бумажном носителе, дальнейшая работа с ними ведется как с письменными заявлениями о преступлениях. Получается, что электронные заявления о преступлениях посредством процедуры распечатывания становятся полновесными письменными заявлениями – поводами для проведения проверки и возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном УПК РФ. Представляется, что полностью согласиться с этим подходом никак нельзя. Добавим к этому тот факт, что на официальных сайтах ОВД

РФ нет отдельного раздела «Прием заявлений о преступлениях» – все заявления принимаются в разделе «Прием обращений граждан». При переходе по такой ссылке посетителю предлагается ознакомиться с информацией о порядке рассмотрения обращений граждан, электронная форма содержит поле «с информацией ознакомлен», без заполнения которого невозможен дальнейший переход на страницу для непосредственного создания обращения. Однако в указанной информации в основном содержатся выдержки из Приказа МВД России от 12.09.2013 № 707 и нет ни слова о порядке рассмотрения заявлений о преступлениях, кроме рекомендации обратиться по телефону «02» или «112». Нет и предупреждения об ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), хотя такое правило прямо предусмотрено нормами ч. 6 ст. 141 УПК РФ [11].

Подведем промежуточный итог. Нормативные документы МВД РФ предусматривают возможность подачи гражданами электронного заявления о преступлении посредством заполнения электронной формы обращения на официальных сайтах ОВД РФ. Такие заявления с резолюции руководителя ОВД рассматриваются в порядке, установленном УПК РФ, как письменные заявления о преступлениях, но в отличие от последних: 1) при подаче электронного заявления о преступлении заявитель не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ; 2) в электронной форме обращения (в том числе и по техническим причинам) отсутствует такой реквизит, как личная подпись.

Рассмотрим, насколько соответствует такое электронное заявление о преступлении требованиям к поводам для возбуждения уголовного дела, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством. Согласно нормам ст. 146 и 147 УПК РФ, для возбуждения уголовного дела обязательно наличие повода. Система поводов в наиболее общем виде представлена в ст. 140–143 УПК РФ и характеризуется как совокупность формальных обстоятельств, определяющих начало уголовного судопроизводства [7]. Вместе с тем в уголовно-процессуальной науке нет единства по вопросу определения повода. Так, А.М. Ларин делал акцент на термине «источники информации» [12], Н.П. Кузнецов – на способе получения сведений о преступлении [13]. Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин заостряют внимание на том, что повод – это юридический факт [14], М.А. Чельцов трактует поводы как источники осведомления о событии преступления, наличием которого обуславливается право возбудить уголовное дело [15]. Не вдаваясь в детали и споры о сущности повода, отметим, что в наиболее общем виде он представляет собой получение в различных формах уполномоченным, должностным лицом информации (сведений) о преступлении. Факт получения такой информации имеет свойство побудительного сигнала к началу уголовно-процессуальной деятельности [16].

К предусмотренным уголовно-процессуальным законом поводам относится в том числе и заявление о преступлении. В УПК РФ нет определения понятия «заявление о преступлении» [3]. Тем не менее, исходя из буквального толкования норм ст. 141 и 142 УПК РФ,

можно вывести, что заявление о преступлении – это добровольное сообщение лица о совершенном преступлении. Необходимость «повода – заявления» как акта обращения к власти за защитой – исторически сложившаяся традиция, особый ритуал, сохранившийся со времен становления Древнерусского государства, когда уголовный процесс носил частный характер и в принципе не начинался без жалобы потерпевшего [17]. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, заявление потерпевшего сохранило свое обязательное значение в форме повода для возбуждения уголовных дел частного и частно-публичного обвинения [18]; уголовные дела публичного обвинения могут возбуждаться не только по заявлению потерпевшего, но и при наличии иных поводов. При этом вне зависимости от вида уголовного преследования для всех поводов, в том числе и для заявления о преступлении, безусловным является требование уголовно-процессуальной формы [19]. Это означает, что правила подачи и оформления заявлений о преступлении, установленные УПК РФ, носят императивный характер. Отсюда возникают обоснованные сомнения по поводу возможности электронных заявлений о преступлении, принимаемых ОВД РФ, выполнять функцию повода для возбуждения уголовного дела.

Во-первых, в ст. 141 УПК РФ в принципе не предусмотрена электронная форма заявления о преступлении. Во-вторых, его распечатанная версия не может считаться письменным заявлением, если она не содержит такого обязательного реквизита, как личная подпись (ч. 2 ст. 141 УПК РФ). В-третьих, в силу ч. 6 ст. 141 УПК РФ заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чем должна проставляться отметка, которая, как и текст заявления, удостоверяется личной подписью заявителя. Указанные положения не соблюдаются при приеме электронных заявлений о преступлениях в системе МВД России. Очевидно, что требования УПК РФ не простая формальность, а необходимые меры, направленные на предупреждение преступлений и фактов злоупотребления правом на обращение [20].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Следует признать, что обрабатываемые ОВД РФ электронные заявления о преступлениях, не соответствующие требованиям УПК РФ, не могут считаться поводами для возбуждения уголовного дела. Заявление, содержащее сведения о совершенном или готовящемся преступлении, поступившее в ОВД в электронной форме, по сути, является поводом для инициации доследственной проверки [21]. Безусловно, в силу положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ должны проверяться любые сообщения о преступлении, в том числе и полученные из заявлений в электронной форме, но уголовно-процессуальным поводом для возбуждения уголовного дела в таких случаях может быть только рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный сотрудником, проводящим проверку по электронному заявлению (ст. 143 УПК РФ). Однако, на наш взгляд, в условиях активно развивающегося информационного общества

подмена электронного заявления о преступлении рапортом сотрудника ОВД не кажется единственно правильным решением. Поэтому логичным исходом представляется развитие норм УПК РФ до нормативного закрепления электронного заявления о преступлении в качестве самостоятельной формы повода для возбуждения уголовного дела. Об этом прямо свидетельствуют последние изменения в законодательстве. Так, Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ наименования части шестой УПК РФ «Бланки процессуальных документов» изложено в новой редакции – «Электронные документы и бланки процессуальных документов». Словосочетание «использование электронных документов» было добавлено в наименование Раздела XIX «Использование в уголовном судопроизводстве электронных документов и бланков процессуальных документов» и в наименование главы 56 УПК РФ «Порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов». По указанному федеральному закону глава 56 УПК РФ была дополнена ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». Исходя из содержания данной статьи, заявление (в том числе и о преступлении) может быть подано в суд в форме электронного документа, подписанного электронной подписью лица, направившего заявление, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет⁶. Примечательно, что такое предложение применительно к ОВД было высказано в статье М.С. Колосович и О.С. Колосович еще в 2011 году [6]. По сути, указанный в ст. 474.1 УПК РФ порядок подачи заявлений в суд схож с правилами, установленными приказами МВД России от 12.09.2013 № 707 и от 29.08.2014 № 736. Очевидным отличием является только обязательность подписания электронного документа электронной подписью, удостоверяющей личность заявителя. Однако формально, исходя из текста ст. 474.1 УПК РФ, право принимать заявления, ходатайства и жалобы в электронной форме предоставлено только судам (и то при наличии технической возможности) [5].

С учетом приведенных фактов и тезисов можно предложить ряд мер, направленных на совершенствование процедуры приема ОВД РФ электронных заявлений о преступлениях в целях придания им статуса уголовно-процессуального повода для возбуждения уголовного дела. В первую очередь стоит обратить внимание на необходимость разрешения ряда пробелов в УПК РФ. Так, ст. 141 УПК РФ следует дополнить указанием на возможность сделать заявление о преступлении в электронной форме с сохранением общих требований о предупреждении заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ и о необходимости подписания такого заявления личной электронной подписью. Следует также внести ясность в вопрос, распространяются ли нормы

ст. 474.1 УПК РФ по аналогии и на органы дознания, предварительного расследования и прокуроров. С учетом особенностей метода уголовно-процессуального регулирования предполагается, что данная статья (или другие нормы), на наш взгляд, подлежит дополнению в указанной части. Исходя из логики предлагаемых изменений в УПК РФ, нуждаются в корректировке и нормы рассмотренных приказов МВД России, регламентирующих вопросы приема электронных заявлений о преступлениях, как минимум путем включения требования о подписании их электронной подписью. Однако следует признать, что на современном этапе электронная подпись еще не стала таким массовым атрибутом, как, например, электронная почта, поэтому вполне достаточно дополнить информацию, размещаемую на официальных сайтах ОВД РФ в разделе «Прием обращений граждан», предупреждением об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и указанием на то, что для придания электронному заявлению о преступлении статуса процессуального документа и повода для возбуждения уголовного дела необходимо его подписание электронной подписью.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что электронное заявление о преступлении без подписей заявителя под его содержанием и предупреждением об уголовной ответственности за заведомо ложный донос не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Такое заявление по своей уголовно-процессуальной сути является сообщением о совершенном преступлении, полученном из других источников. Безусловно, такое сообщение подлежит проверке, но по правилам ст. 143 УПК РФ оно должно быть дополнительно оформлено рапортом должностного лица об обнаружении признаков преступления, который и будет являться законным поводом для возбуждения уголовного дела. С учетом современного развития технологий очевидна потребность выделить электронную форму заявления в отдельный вид письменного заявления о преступлении, однако для полноценной реализации такого повода необходимо не только дополнить соответствующую статью УПК РФ, но и комплексно решать вопросы массового распространения электронных способов идентификации личности, а также совершенствовать нормы, регулирующие электронный документооборот в уголовном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспарян Д.Э., Стырин Е.М. Прикладные проблемы внедрения этики искусственного интеллекта в России: отраслевой анализ и судебная система. М.: Высшей школы экономики, 2020. 112 с.
2. Зуев С.В. Электронное заявление о преступлении: состояние и перспективы // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики: сборник научных трудов. Омск: Омская академия МВД России, 2017. С. 3–6.
3. Гаврилов Б.Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии

⁶ Российская Федерация. Приказы. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 // Гарант: информационно-правовой портал.

- правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 30–50.
4. Киздермишев А.А., Киздермишева С.Х. Совершенствование системы аккредитованных удостоверяющих центров как единая информационно-техническая и организационно-правовая проблема // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2017. № 6. С. 123–128.
 5. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–61.
 6. Колосович М.С., Колосович О.С. Электронная форма заявления как повод для возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3. С. 124–130.
 7. Антонов И.А., Алексеев И.М., Пироговский И.Г. Поводы к возбуждению уголовного дела: информационный подход. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. 142 с.
 8. Безруков А.В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в России. М.: Юстицинформ, 2018. 326 с.
 9. Кошманов М.П., Кошманов П.М., Шнайдер А.А. Удостоверительная и защитная функции подписи // Нотариус. 2010. № 3. С. 40–46.
 10. Королёв Г.Н., Лизунов А.С. Доследственная проверка как часть досудебного производства. М.: Юрлитинформ, 2018. 166 с.
 11. Цепелев К.В. Заведомо ложный донос и лжесвидетельство: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. М.: Юрлитинформ, 2019. 180 с.
 12. Ларин А.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М.: Бек, 1997. 314 с.
 13. Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж: Воронежский университет, 1983. 117 с.
 14. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961. 206 с.
 15. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. 624 с.
 16. Кожокарь В.В. Теоретико-правовые проблемы формирования поводов и основания для возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2015. № 15. С. 29–34.
 17. Амплеева Т.Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. М.: Юридический институт МИИТа, 2006. 228 с.
 18. Струкова В.В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации). Курск: Курская городская типография, 2013. 135 с.
 19. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы / под ред. Л.Д. Кокорева. Воронеж: Воронежский университет, 1979. 176 с.
 20. Толстик В.А. Обзор Международной научно-практической конференции «Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника (X Бабаевские чтения)» (г. Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 г.) // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 4. С. 1710–1723.
 21. Овсянников И.В. Проблемы начального этапа досудебного производства. М.: Юрлитинформ, 2020. 182 с.

REFERENCES

1. Gasparyan D.E., Styryn E.M. *Prikladnye problemy vnedreniya etiki iskusstvennogo intellekta v Rossii: otraslevoy analiz i sudebnaya sistema* [The applied issues of implementing the artificial intelligence ethics in Russia: branch analysis and judicial system]. Moscow, Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2020. 112 p.
2. Zuev S.V. Electronic crime incident report: state and prospects. *Problemy kriminalisticheskoy nauki, sledstvennoy i ekspertnoy praktiki: sbornik nauchnykh trudov*. Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii Publ., 2017, pp. 3–6.
3. Gavrilov B.Ya. The concept of the beginning of criminal proceedings: legal myths and realities of law enforcement. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 2, pp. 30–50.
4. Kizdermishev A.A., Kizdermisheva S.Kh. Improvement of system of the accredited certification centers as a uniform information-technical and organizational-legal problem. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*, 2017, no. 6, pp. 123–128.
5. Andreeva O.I., Zaytsev O.A. Prospects for conducting Russian criminal proceedings in electronic format. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2018, no. 12, pp. 57–61.
6. Kolosovich M.S., Kolosovich O.S. Electronic form of a statement as the basis for initiating criminal proceedings. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2011, no. 3, pp. 124–130.
7. Antonov I.A., Alekseev I.M., Pirogovskiy I.G. *Povody k возбуждениyu уголовного дела: informatsionnyy podkhod* [Reasons to initiate a criminal case: information-based approach]. Krasnodar, Krasnodarskiy universitet MVD Rossii Publ., 2018. 142 p.
8. Bezrukov A.V. *Konstitutsionno-pravovoy mekhanizm obespecheniya pravoporyadka organami publichnoy vlasti v Rossii* [Constitutional and legal mechanism of law enforcement by the public authorities in Russia]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2018. 326 p.
9. Koshmanov M.P., Koshmanov P.M., Shnayder A.A. The certifying and protective function of a signature. *Notarius*, 2010, no. 3, pp. 40–46.
10. Korolev G.N., Lizunov A.S. *Dosledstvennaya proverka kak chast dosudebnogo proizvodstva* [Pre-investigation check as a part of pre-trial procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 166 p.
11. Tsepelev K.V. *Zavedomo lozhnyy donos i lzhesvidetelstvo: ugovovno-pravovaya kharakteristika i problemy kvalifikatsii* [Knowingly false report and false evidence: criminal law characteristics and the issues of classification]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 180 p.
12. Larin A.M. *Ugolovnyy protsess Rossii: lektsii-ocherki* [Criminal procedure in Russia: lectures-essays]. Moscow, Bek Publ., 1997. 314 p.
13. Kuznetsov N.P. *Dokazyvanie v stadii возбуждениya уголовного дела* [Proof at the stage of criminal case initiation]. Voronezh, Voronezhskiy universitet Publ., 1983. 117 p.

14. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. *Vozbuzhdenie ugolovnoy dela* [Criminal case initiation]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 206 p.
15. Cheltsov M.A. *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [Soviet criminal procedure]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo MYu SSSR Publ., 1948. 624 p.
16. Kozhokar V.V. Theoretical-law problems of formation of reasons and grounds for initiation of a criminal case. *Rossiyskiy sledovatel*, 2015, no. 15, pp. 29–34.
17. Ampleeva T.Yu. *Po zakonu russkomu. Istoriya ugolovnoy sudoproizvodstva Drevney Rusi* [By Russian law. The history of criminal procedure of Ancient Rus]. Moscow, Yuridicheskiy institut MIITa Publ., 2006. 228 p.
18. Strukova V.V. *Ugolovnoye presледovanie, osushchestvlyаемое v chastnom poryadke (teoreticheskie osnovy i mekhanizm realizatsii)* [Criminal prosecution performed privately (theoretical foundations and implementation mechanism)]. Kursk, Kurskaya gorodskaya tipografiya Publ., 2013. 135 p.
19. Kokoreva L.D., ed. *Razvitie i sovershenstvovanie ugolovno-protsessualnoy formy* [The development and improvement of a criminal procedure form]. Voronezh, Voronezhskiy universitet Publ., 1979. 176 p.
20. Tolstik V.A. Review of international scientific-practical conference “Counteracting law abuse: theory, practice, technology” (10th Babayev’s readings) (Nizhniy Novgorod, 23–24 May 2019). *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 1710–1723.
21. Ovsyannikov I.V. *Problemy nachalnogo etapa dosudebnogo proizvodstva* [The problems of the initial stage of the pre-trial procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 182 p.

**ELECTRONIC CRIME INCIDENT REPORT AS A REASON TO INITIATE A CRIMINAL CASE
(THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION
IN THE NORMATIVE ACTS OF THE RUSSIAN MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS AND THE RF CRIMINAL PROCEDURE CODE)**

© 2021

P.A. Samoylov, Deputy Head of Police Department No.21
Administration of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Togliatti, Togliatti (Russia)

Keywords: crime incident report; reason to initiate a criminal case; citizen appeals; criminal procedure documents in electronic (online) form.

Abstract: The integration and active application of electronic document flow to the daily activities of the police have consistently and logically led to the fact that the electronic crime incident report is increasingly used as a reason to initiate criminal cases. The departmental normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia regulate in detail the processing of such reports. However, under the RF Criminal Procedure Code, not all electronic crime reports registered by the Departments of Internal Affairs meet the established requirements, and, accordingly, they can not perform the function of a criminal procedural cause. In this situation, with the obvious relevance of electronic documents, an example of a contradiction and gap in the law is evident, which somewhat hinders the development of electronic interaction between the participants of criminal procedural activity and can cause negative consequences. The paper analyzes and compares the provisions of some normative sources regulating the reception and consideration of electronic crime reports by the Departments of Internal Affairs of the Russian Federation and the norms of criminal procedural legislation. The author critically evaluates the legal definitions of the concept of a crime incident report and some organizational and legal mechanisms for accepting and considering electronic crime reports established by the departmental legal acts of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The study highlights and clarifies the rules of filing, mandatory requisites, and some other requirements for electronic crime reports, which must be complied with according to the provisions of the criminal procedure code. Based on the data obtained, the author offers recommendations to improve criminal procedural law and the algorithm of accepting electronic crime reports using the official websites of the Departments of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2021

А.Н. Фролов, кандидат юридических наук,
доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка
Д.В. Соколов, кандидат юридических наук,
доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка
Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, Нижний Новгород (Россия)

Ключевые слова: семейно-бытовой конфликт; участковый уполномоченный полиции; семейно-бытовые преступления; домашнее насилие.

Аннотация: В настоящее время профилактика семейно-бытовых правонарушений является одним из приоритетных направлений деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Некачественное и несвоевременное принятие мер реагирования сотрудниками полиции на данный вид правонарушений, а также освещаемые в средствах массовой информации резонансные преступления, которым предшествовали семейные конфликты, формируют негативное общественное мнение о деятельности полиции и государства в целом. Исследование посвящено повышению эффективности работы, проводимой органами внутренних дел, по профилактике и пресечению фактов семейно-бытовых конфликтов, в том числе сопровождаемых применением насилия к детям и женщинам. Особое внимание уделено понятию семейно-бытовых правонарушений, анализу причин и условий возникновения семейно-бытовых конфликтов, правовым основам регулирования ответственности в сфере семейно-бытовых конфликтов в соответствии с законами субъектов Российской Федерации. Проанализированы основные направления профилактики преступлений и административных правонарушений на бытовой почве участковыми уполномоченными полиции. Определены тактические особенности проведения работы с лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел, при осуществлении профилактического обхода административного участка. Предложен механизм привлечения общественности и отдельных категорий граждан к содействию правоохранительным органам в целях своевременного выявления и пресечения бытовых правонарушений. На основе проведенного анализа сделан вывод, что залогом эффективной работы по искоренению рассматриваемого негативного социального явления является проведение профилактического обхода административного участка, профилактических бесед, основанных на изучении индивидуально-психологических особенностей лиц, их прошлого, основных характеристик личности, а также на информированности об их ближайшем окружении, связях, имеющих как позитивную, так и негативную окраску. Показано, что вопросы защиты жизни и здоровья членов семьи от противоправных посягательств должны решаться комплексно, во взаимодействии с другими ведомствами и институтами гражданского общества.

ВВЕДЕНИЕ

Профилактика семейно-бытовых конфликтов была и остается одним из важных направлений деятельности государственных органов власти, поскольку благополучие общества в целом зависит от нормального функционирования его отдельных элементов. В связи с этим необходимо отметить реализуемую на протяжении многих десятилетий работу органов внутренних дел по профилактике семейно-бытовых конфликтов и минимизации их последствий. Изучение проблематики этой работы не остается без внимания исследователей. Так, авторы [1] после создания полиции в Российской Федерации провели анализ действовавшего законодательства, регламентировавшего профилактику семейно-бытового насилия участковыми уполномоченными полиции, выявив его недостатки и отметив особую роль индивидуальной профилактики в достижении этой цели. На несовершенство нормативно-правового регулирования деятельности органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления как основную проблему профилактики семейно-бытовых правонарушений после реформирования органов внутренних дел в 2011 году также указывали в [2; 3]. Последовавшие реформы зако-

нодательства в части декриминализации побоев и необходимость дальнейшего изменения законодательства, направленного на защиту в первую очередь женщин и детей от семейно-бытового насилия, с учетом зарубежного опыта рассматривались в работах [4; 5]. Новейшие исследования направлены как на изучение семейно-бытового насилия как социального явления в целом, его влияния на состояние преступности и административных правонарушений, так и на профилактику этих явлений [6; 7]. Следует отметить сохраняющийся интерес к роли участкового уполномоченного полиции в профилактике противоправного поведения отдельных категорий граждан [8], а также непосредственно в профилактике семейно-бытового насилия [9].

Понятие семейно-бытовых отношений в настоящий момент нормативно не закреплено. В науке предпринимаются попытки выделить качественные признаки этого явления и сформулировать соответствующее понятие, однако они являются результатом авторского осмысления общественных отношений, основанного на текущем нормативном регулировании данной сферы [10; 11]. При этом в отдельных работах отмечается положительный эффект от частичной декриминализации побоев и установления административной ответственности за них, что приводит в итоге к реализации на

практике принципа превентивности [5]. Некоторые авторы предлагают включить семейно-бытовое дебоширство в состав мелкого хулиганства [12]. Другие указывают на возможность создания специализированных подразделений в системе государственных органов, основной деятельностью которых должно стать предупреждение насилия в семье [13]. Автор [14] обосновывает нецелесообразность принятия закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» на основании сравнительного анализа норм международного права, регламентирующих вопросы защиты жертв семейного насилия, и рассматриваемого законопроекта в Российской Федерации.

Важной формой профилактики семейно-бытовых правонарушений является индивидуальная профилактическая работа, проводимая участковым уполномоченным полиции. Некоторые исследователи предлагают отталкиваться от понятия риск-опасной ситуации при принятии решения об оказании индивидуального профилактического воздействия [15]. Автор [16] считает необходимым законодательно закрепить понятия «профилактический учет», «индивидуальная профилактическая работа», а также основания постановки на учет и правовой статус лица, состоящего на профилактическом учете. В работе [17] приводятся меры пресечения семейно-бытовых правонарушений, говорится о необходимости расширения данных мер. Автор [18] справедливо отмечает, что не существует универсальных профилактических мер. Меры профилактики должны строиться с учетом национальных, экономических, профессиональных и иных особенностей субъектов Российской Федерации, городов, районов.

Перечисленные исследования все же не дают ответов на все вопросы, касающиеся профилактики семейно-бытового насилия участковыми уполномоченными полиции. Частично это связано с активным изменением действующего законодательства в области профилактики семейно-бытового насилия, частично – обусловлено широтой тех форм работы, которые может применять участковый уполномоченный полиции при реализации данного направления деятельности.

Цель исследования – определение базовых форм деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике семейно-бытового насилия на современном этапе.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материалов исследования использованы: 1) отдельные положения федерального законодательства, регламентирующего проведение профилактики семейно-бытовых правонарушений подразделениями полиции; 2) отдельные положения законодательства, определяющие понятие семейно-бытовых отношений; 3) обобщенные нормативные требования к формам работы участкового уполномоченного полиции по профилактике семейно-бытового насилия и проведению индивидуальной профилактики.

Использован подход, основанный на формально-юридическом методе исследования, направленный на: 1) выборочное исследование действующего законодательства, регламентирующего профилактику семейно-бытового насилия участковым уполномоченным поли-

ции; 2) выделение специфичных форм профилактики семейно-бытового насилия участковым уполномоченным полиции; 3) проведение индивидуальной профилактики с лицами, допускающими нарушения в семейно-бытовой сфере; 4) использование доктринальных норм, отражающих отдельные аспекты профилактической работы участкового уполномоченного полиции.

Материал изложен в следующей последовательности: 1) нормы законодательства, регламентирующего работу участкового уполномоченного полиции по профилактике семейно-бытовых правонарушений; 2) формы работы участкового уполномоченного полиции по профилактике семейно-бытовых правонарушений; 3) индивидуальная профилактическая работа с лицами, допускающими нарушения в семейно-бытовой сфере.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Нормы законодательства, регламентирующего работу участкового уполномоченного полиции по профилактике семейно-бытовых правонарушений

В настоящее время ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» среди прочих выделяет следующие основные направления профилактики правонарушений: защита личности, общества и государства от противоправных посягательств; предупреждение правонарушений; развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений. Реализация этих направлений государственной политики в сфере профилактики правонарушений осуществляется путем соответствующих средств, перечисленных в ч. 2 ст. 6 названного выше федерального закона, в том числе путем выявления лиц, склонных к совершению преступлений, лиц, ставших жертвами правонарушений либо находящихся в трудной жизненной ситуации.

Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 «О полиции» в ч. 1 ст. 2 среди основных направлений деятельности полиции выделяет защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств, а также предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 12 данного закона, в обязанность полиции вменяется выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, их устранение в пределах компетенции полиции; выявление лиц, намеревающихся совершить преступление, проведение индивидуальной профилактической работы с ними; участие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; ведение пропаганды правовых знаний. Соответствующие правовые основания для реализации данных обязанностей перечислены в ч. 1 ст. 13 этого федерального закона.

Необходимо отметить, что именно участковые уполномоченные в силу специфики своей деятельности оказываются наиболее близкой к гражданам категорией должностных лиц подразделений полиции. Поэтому им особенно необходимо четкое понимание границ вмешательства государства в частную жизнь граждан.

Так, инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей

на обслуживаемом административном участке, утвержденная приказом МВД России от 29.03.2019 № 205, в п. 9 предписывает осуществлять ряд задач на закрепленном за ним административном участке. Среди них особо следует выделить задачи, направленные на профилактику совершения преступлений и иных правонарушений гражданами; профилактику рецидивной преступности, в первую очередь против жизни и здоровья граждан, профилактику побоев и иных бытовых преступлений; проведение работы с лицами, стоящими на профилактическом учете. Реализация этих задач тесно связана с обеспечением нормальных семейно-бытовых отношений между гражданами на соответствующем административном участке.

Приказ МВД России от 19.02.2015 № 269, утвердивший статистическую форму «Профилактика» среди всех преступлений, совершаемых на бытовой почве, выделил группу тех, которые совершаются в семейно-бытовой сфере. Сюда отнесены составы преступлений, где в отношении потерпевшего совершается физическое либо психическое насилие, а преступник состоит с потерпевшим в семейно-бытовых отношениях. Такие составы преступлений описаны в следующих статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): ст. 105, 111, 112, 115, 116, 116.1, 117, 119, 213. Среди жертв преступлений отдельно выделяются женщины и несовершеннолетние. Безусловно, данный статистический перечень отражает лишь крайние формы противоправного поведения, поскольку существенную группу правонарушений в семейно-бытовой сфере составляют административные правонарушения, совершаемые на бытовой почве.

Для определения круга семейно-бытовых отношений необходимо, на наш взгляд, отталкиваться как от положений ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации, где закреплены отношения, регулируемые семейным законодательством, так и от фактически складывающихся отношений. То есть можно выделить отношения родства (родители, дети, усыновители, усыновленные), свойства (родители жены, мужа, их дети), а также сожительство, основанное на совместном ведении хозяйства лицами, которые официально не вступают в брак, но фактически ведут совместное хозяйство, воспитывают детей (так называемый «гражданский брак»).

Среди административных правонарушений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, в первую очередь следует выделить те, которые предусмотрены главами 5 и 6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). Это ст. 5.35, 5.61 КоАП РФ, где объектом посягательства выступают отдельные права граждан, такие как право ребенка на всестороннее развитие, право человека на уважение его чести и достоинства, а также ст. 6.1.1, 6.10 КоАП РФ, где объектом посягательства выступает здоровье человека.

Необходимо отметить, что федеральное законодательство не позволяет охватить всю сложность отношений в семейно-бытовой сфере, что частично компенсируется законодательными актами субъектов Российской Федерации. В настоящее время рядом субъектов Российской Федерации введена административная ответственность за совершение действий, которые не подпадают

под действие федерального законодательства, но существенно осложняют семейные и бытовые отношения.

Так, Кодекс Костромской области об административных правонарушениях устанавливает ответственность за бытовое дебоширство в месте проживания (пребывания граждан) (ст. 8.9). Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях предусматривает ответственность за создание конфликтных ситуаций в семейно-бытовых отношениях (ст. 2.18). Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях устанавливает ответственность за семейно-бытовое дебоширство (ст. 13.8). Аналогичный предыдущим состав правонарушений содержится в ст. 13.1 Закона Забайкальского края от 2 июля 2009 г. № 198-ЗЗК, ст. 7 Закона Республики Алтай от 10 ноября 2015 г. № 69-РЗ, Закон Республики Мордовия от 15 июня 2015 г. № 38-З (ст. 4) и Закон Саратовской области от 29 июля 2009 г. № 104-ЗСО (ст. 1.5) устанавливают ответственность за бытовое дебоширство.

Анализ данных норм позволяет определить позицию регионального законодателя относительно места возникновения семейно-бытовых конфликтов – это место проживания (пребывания граждан). Неправомерное поведение выражается в применении насилия в отношении потерпевшего, которое не привело к возникновению последствий, дающих право привлечь его к ответственности по федеральному законодательству; такое насилие может быть сопряжено с нецензурной бранью, шумным поведением.

Таким образом, разнообразие семейно-бытовых отношений и возникающих на их почве конфликтов, с которыми участковому уполномоченному приходится сталкиваться в своей профессиональной деятельности, требует осуществления деятельности по их разрешению в виде определенных форм и методов.

Формы работы участкового уполномоченного полиции по профилактике семейно-бытовых правонарушений

Приказ МВД России от 23.09.2019 № 205 закрепил в качестве основных форм работы участкового уполномоченного на административном участке следующие: профилактический обход административного участка, рассмотрение обращений граждан, индивидуальная профилактическая работа, прием граждан, отчеты перед населением о проделанной работе. В рамках реализации каждой из форм работы участковым уполномоченным осуществляется профилактика семейно-бытовых конфликтов. Рассмотрим эти формы более детально.

В процессе осуществления профилактического обхода административного участка участковому уполномоченному полиции необходимо устанавливать доверительные отношения с гражданами, в том числе путем их посещения по месту проживания. Данное мероприятие проводится только при условии добровольного согласия граждан на посещение их жилого помещения. В рамках посещения сотрудник может попросить гражданина оказывать содействие в осуществлении охраны общественного порядка путем предоставления сведений об известных ему фактах и событиях противоправного поведения лиц на обслуживаемой территории, о появлении лиц, которым требуется оказание помощи в силу их трудных жизненных условий, о местах сбора

лиц, допускающих асоциальное поведение. Кроме того, сотруднику полиции необходимо разъяснять гражданам действующие нормы законодательства, затрагивающие правила совместного проживания граждан, например законодательства о тишине. Перечень этих вопросов носит открытый характер и легко варьируется с учетом личности человека, с которым проводится беседа. При этом предварительно участковому уполномоченному полиции необходимо провести проверку лица по информационным учетам МВД России на предмет его возможного асоциального либо антисоциального поведения. Это необходимо как в интересах продуктивности проделываемой работы, так и в первую очередь в интересах личной безопасности.

Сходная тематика общения возможна с собственниками объектов недвижимости, находящихся на обслуживаемой территории, председателями товариществ собственников жилья и обслуживающим персоналом. Данные субъекты могут предоставить дополнительные сведения о жалобах и иных обращениях жильцов либо посетителей объектов, которые в данный момент не известны правоохранительным органам, например о шумном поведении жильцов определенных квартир, внешнем виде жильцов, посторонних и подозрительных запахах на данных объектах. В ходе общения с гражданами участковый может дать им свои визитные карточки с целью обращения по новым вопросам или дополнения ранее предоставленных сведений.

Во время профилактического обхода участковому уполномоченному полиции необходимо осуществлять внимательное наблюдение за обстановкой на административном участке с целью выявления правонарушений и лиц, которые либо от них пострадали, либо могут стать потенциальными жертвами. В частности, необходимо обращать внимание на лиц, имеющих внешние признаки телесных повреждений, следы побоев, борьбы. Представляет интерес и внешнее проявление признаков насилия, в том числе психического, при общении между людьми: испуганное выражение лица собеседника, следы слез, признаки подавления воли человека, например жесты угрозы собеседнику. Таким образом, реализуются меры индивидуальной профилактики, направленные как на правонарушителей, так и на жертв этих правонарушений [19]. Безусловно, перечисленные методы не являются исчерпывающими при выявлении семейно-бытовых конфликтов, зачастую имеющих высокую латентность. Более того, они требуют от работы участкового не только понимания правоприменительных ее аспектов, но и владения некоторыми психологическими приемами установления контакта с окружающими людьми, так как властные полномочия в сфере межличностного общения с лицами, готовыми добровольно сотрудничать с участковым уполномоченным полиции, должны находиться на втором плане. При этом необходимо понимать, что панибратское и умиляющее статус сотрудника полиции поведение со стороны собеседника не допускается.

Осуществляя профилактический обход административного участка в целях профилактики семейно-бытовых конфликтов участковый должен собирать сведения о лицах:

– склонных к совершению бытовых преступлений и правонарушений;

- страдающих наркоманией и алкоголизмом;
- потенциальных жертвах преступлений в силу их беспомощного состояния, вызванного малолетним либо престарелым возрастом, а также болезненным состоянием;
- не имеющих постоянного места жительства и источника дохода;
- склонных к антиобщественному поведению в жилых помещениях;
- допускающих противоправное поведение в местах совместного проживания.

Полученные сведения для их полноценной реализации должны докладываться участковым уполномоченным полиции своему прямому руководителю и иным заинтересованным службам и должностным лицам, например инспекторам по делам несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что в настоящее время в соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 13 федерального закона «О полиции» сотрудникам ОВД предоставлено право объявлять физическому лицу официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо о недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Порядок объявления данного предостережения более детально закреплен в приказе МВД России от 04.03.2020 № 119. При этом необходимо четко понимать, что предостережение объявляется только при отсутствии соответствующих признаков административного правонарушения либо преступления, поскольку в этом случае должны приниматься меры по процессуальному оформлению деяния лица, предусмотренные административным или уголовно-процессуальным законодательством.

Участковый уполномоченный полиции включен в перечень должностных лиц органов внутренних дел, которым предоставлено право объявлять предостережение. При этом он должен осуществлять проверку сведений об антиобщественном поведении физического лица или его конкретных действиях, создающих условия для совершения правонарушений в порядке, установленном п. 41, 49, 58 и 62 приложения к приказу МВД России от 29.08.2014 № 736. При получении подтверждения информации об осуществлении физическим лицом действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо о продолжении им антиобщественного поведения в течение трех рабочих дней участковый уполномоченный полиции составляет предостережение в двух экземплярах, один из которых вручается под подпись лицу, в отношении которого выносится данное предостережение.

При необходимости получения дополнительной информации об антиобщественном поведении физического лица либо о нем самом срок составления предостережения может быть увеличен до 30 рабочих дней по решению начальника соответствующего подразделения ОВД либо его заместителя. При невозможности вручить предостережение непосредственно физическому лицу данный документ направляется по адресу его проживания либо нахождения в течение семи рабочих дней.

Сведения об объявленных официальных предостережениях вносятся в Сервис обеспечения охраны общественного порядка в базу Единой системы информационно-

аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Сведения о происшествиях, административных правонарушениях, преступлениях, совершенных в семейно-бытовой сфере, переданные участковому уполномоченному полиции непосредственно гражданами, в том числе в ходе их личного приема, подлежат регистрации в дежурной части соответствующего органа внутренних дел. Рассмотрение данных обращений, заявлений, сообщений о преступлениях происходит после поручения со стороны соответствующего должностного лица органа внутренних дел, уполномоченного на принятие такого решения.

Индивидуальная профилактическая работа с лицами, допускающими нарушения в семейно-бытовой сфере

В число лиц, с которыми проводится индивидуальная профилактическая работа, приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 включает тех, кто допускает правонарушения в семейно-бытовой сфере. К нарушениям относят: совершение административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.1.1 КоАП РФ; совершение преступлений, предусмотренных ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ; отказ в возбуждении уголовного дела либо прекращение уголовного дела по факту допущения лицом правонарушения в семейно-бытовой сфере в случае отсутствия заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению; прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон; прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также в порядке ч. 1 и 5 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Срок проведения индивидуальной профилактической работы с указанной категорией лиц в общем порядке составляет один год. Участковому уполномоченному полиции предписывается посещать данных лиц не реже одного раза в квартал. В случае если лицо в течение года совершает преступление либо административное правонарушение, допускает правонарушение в семейно-бытовой сфере, то продолжительность индивидуальной профилактической работы увеличивается на срок до года (пп. «г» п. 33.3 приложения к приказу МВД России от 29.03.2019 № 205). Основания для прекращения индивидуальной профилактической работы перечислены в п. 34 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструкция).

Данная категория лиц подлежит постановке на профилактический учет с занесением оснований помещения лица на этот вид учета в Сервис обеспечения охраны общественного порядка на базе Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. Решение о постановке лица на профилактический учет принимает начальник территориального органа внутренних дел, его заместитель – начальник полиции, начальник отдела полиции. Аналогичным образом происходит продление и снятие лица

с профилактического учета. В случае переезда лица на новое место жительства участковый уполномоченный полиции в течение суток с момента получения этой информации направляет посредством ранее указанного сервиса сведения о лице, состоявшем на профилактическом учете.

С лицами, состоящими на профилактическом учете, проводятся профилактические беседы. Целью такого вида бесед является недопущение совершения новых преступлений и административных правонарушений лицом, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики. В процессе проведения беседы участковый уполномоченный полиции доводит до лица сведения о возможных последствиях как правового, так и социального характера, в случае если он продолжит противоправную деятельность. Перед проведением беседы участковому уполномоченному полиции необходимо предварительно подготовиться, получив сведения о поведении лица от его близкого окружения (по возможности), соседей, коллег, составить план беседы [20]. Это поможет создать объективную картину поведения лица в быту. В случае необходимости лицу может быть объявлено официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения в ранее рассмотренном нами порядке.

В процессе проведения профилактической беседы участковому уполномоченному необходимо обращать внимание на обстановку в месте ее проведения: нарушен ли порядок в жилище, имеются ли повреждения на элементах обстановки помещения, следы биологических жидкостей. Следует обращать внимание и на внешний вид лица, с которым проводится беседа, его эмоциональное состояние. Оцениваются также внешний вид и поведение совместно проживающих с ним лиц.

Возможным методом профилактики семейно-бытовых конфликтов является правовое информирование жителей административного участка, посредством которого возможно доведение до заинтересованных субъектов информации о способах защиты их нарушенных прав. Данные сведения могут размещаться не только в помещениях организаций, работающих на территории административного участка, но и на досках объявлений у подъездов, в иных местах, где любой желающий может ознакомиться с важной информацией. В качестве примера такой информации можно привести телефоны горячих линий социальных служб, оказывающих помощь людям в сложной жизненной ситуации, в том числе в ситуациях бытового насилия, когда его жертва не готова или боится идти в правоохранительные органы.

Необходимо использовать возможность проведения профилактики семейно-бытовых правонарушений в процессе предоставления отчетов населению участкового уполномоченного полиции, когда он получает возможность одновременно довести важную информацию до широкого круга лиц и получить обращения граждан по проблематике профилактики семейно-бытовых правонарушений. По наиболее проблемным вопросам семейно-бытовых отношений могут быть привлечены соответствующие представители и специалисты государственных и муниципальных органов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации, регламентирующего профилактику семейно-бытовых правонарушений, в ходе которого установлена особая роль органов внутренних дел в данной сфере государственного управления. Следует отметить сохранившуюся в законодательстве и отмеченную в научной литературе размытость понятия семейно-бытовых отношений, что вызывает затруднения в определении границ вмешательства органов государственной власти в частную жизнь граждан. При этом особое место среди прочих должностных лиц, осуществляющих профилактику правонарушений в семейно-бытовой сфере, занимает участковый уполномоченный полиции, который выделяется наличием особых форм осуществления своей деятельности. К числу важнейших форм его деятельности относится профилактический обход административного участка, в ходе которого участковый уполномоченный полиции реализует свои полномочия по проведению индивидуальной профилактики с отдельными категориями граждан, которые установлены ведомственными нормативными актами. Проведение профилактических бесед также способствует снижению уровня семейно-бытового насилия на административном участке. Безусловно, ограниченность объема данного исследования не позволяет более детально остановиться на всех актуальных формах деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике семейно-бытовых правонарушений и их использовании в сочетании.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. В настоящее время понятие семейно-бытовых правонарушений и преступлений носит достаточно размытый характер, поскольку включает в себя большую группу общественных отношений, урегулированных различными отраслями права.

2. При определении преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, органами внутренних дел используется формальный критерий, зафиксированный в нормах, регламентирующих сбор статистических сведений о данном явлении.

3. Участковый уполномоченный полиции в системе органов внутренних дел Российской Федерации выступает основным субъектом, на которого возлагается проведение мероприятий по профилактике правонарушений в семейно-бытовой сфере.

4. Профилактика правонарушений в семейно-бытовой сфере требует наличия особых форм, в рамках которых реализуется деятельность участкового уполномоченного полиции.

5. Профилактический обход административного участка является одной из важнейших форм профилактики семейно-бытовых правонарушений участковым уполномоченным полиции.

6. Профилактическая беседа выступает в качестве эффективного средства работы с лицами, стоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катаева О.В., Никулин А.И. Современные проблемы профилактики семейно-бытовых конфликтов участ-

ковыми уполномоченными полиции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2013. № 2. С. 84–87.

2. Харламов В.С. Современные проблемы профилактики правонарушений в семейно-бытовой сфере органами правоупорядка // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2. С. 59–64.
3. Очерedyкo В.П., Харламов В.С. Нормативно-правовое регулирование противодействия семейному насилию в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3. С. 129–133.
4. Атагимова Э.И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2. С. 49–53.
5. Ворошилова С.В., Музыканкина Ю.А. Декриминализация побоев: старые традиции и современные реалии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 15–22.
6. Корецкий Д.А. Семейное насилие как элемент бытовой преступности // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 2. С. 72–75.
7. Рачицкая В.А. Административные правонарушения в сфере семейного насилия и проблемы их профилактики // Виктимология. 2020. № 4. С. 37–45.
8. Поликарпова Е.В. Актуальные проблемы в определении критериев постановки на профилактический учет некоторых категорий граждан участковым уполномоченным полиции // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 306–310.
9. Мотрович И.Д. Семейно-бытовое насилие: современное состояние и место участкового уполномоченного полиции в его противодействии // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 64–76.
10. Гаспарян В.А. Общая административно-правовая характеристика правонарушений, совершаемых в семейно-бытовой сфере // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4. С. 114–117.
11. Недоступенко Т.А., Махина С.Н. Профилактика физического насилия в семейно-бытовой сфере и в отношении несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 4. С. 72–75.
12. Торопчин Н.А., Кулькина И.В. О необходимости введения административно-правовой ответственности за семейно-бытовое дебоширство как составной части ответственности за мелкое хулиганство // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 200–203.
13. Павлова Е.В. Административно-правовые средства профилактики насилия в семье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 2. С. 32–36.
14. Затолокин А.А. Административно-правовое регулирование профилактики семейно-бытового насилия // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1. С. 94–98.
15. Заброда Д.Г., Овсепян Г.М., Бровко Н.В. Деятельность участковых уполномоченных полиции по оказанию профилактического воздействия на лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере // Юрист-Правовед. 2020. № 4. С. 174–178.

16. Гайдуков А.А. О некоторых вопросах правового регулирования профилактического учета лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений // Юрист-Правоведь. 2016. № 5. С. 33–39.
17. Равнюшкин А.В. Совершенствование системы предупреждения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // Юрист-Правоведь. 2017. № 1. С. 154–158.
18. Титаренко А.П. Формы и методы индивидуальной профилактической деятельности полиции в современных социально-экономических условиях // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 201–206.
19. Калашников И.В. Совершенствование деятельности участкового уполномоченного полиции по выявлению и устранению причин и условий совершения преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 136–141.
20. Кириллов С.И., Уткин В.А., Шмарион П.В. Содержание и методика проведения профилактических бесед с лицами, состоящими на учете в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 108–113.
- categories of citizens of area official policy. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 3, pp. 306–310.
9. Motrovich I.D. Family and domestic violence: the modern status and the place of a district police officer in its combating. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2021, no. 1, pp. 64–76.
10. Gasparyan V.A. General administrative legal character of offence in family domestic sphere. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 4, pp. 114–117.
11. Nedostupenko T.A., Makhina S.N. Prevention of counteraction to physical violence in the family and household sphere and against minors. *Problemy pravookhranitelnoy deyatel'nosti*, 2019, no. 4, pp. 72–75.
12. Toropchin N.A., Kulkina I.V. On the necessity of introducing administrative and legal responsibility for family and domestic debauchery as an integral part of the responsibility for disorderly conduct. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 200–203.
13. Pavlova E.V. Administrative and legal means for prevention of domestic violence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 32–36.
14. Zatolokin A.A. Administrative and legal regulation of the prevention of domestic violence. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 94–98.
15. Zabroda D.G., Ovsepyan G.M., Brovko N.V. Activities of commissioners of police in providing preventive influence on persons allowing offenses in the family and household sphere. *Yurist-Pravoved*, 2020, no. 4, pp. 174–178.
16. Gaydukov A.A. On some issues of legal regulation of preventive registration of perpetrators of offenses in the sphere of family-domestic relations. *Yurist-Pravoved*, 2016, no. 5, pp. 33–39.
17. Ravnyushkin A.V. Improving the system of prevention of offences committed in the sphere of family-household relations. *Yurist-Pravoved*, 2017, no. 1, pp. 154–158.
18. Titarenko A.P. Forms and methods of police activities on individual prevention in the current socio-economic conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 402, pp. 201–206.
19. Kalashnikov I.V. Improving the activities of the district police authorized to identify and eliminate the causes and conditions of crime. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 7, pp. 136–141.
20. Kirillov S.I., Utkin V.A., Shmarion P.V. The contents and methodology for conducting preventive talks with the persons consisting on the account in bodies of internal affairs. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 3, pp. 108–113.

REFERENCES

1. Kataeva O.V., Nikulin A.I. Modern problems of prevention in family-household conflicts by divisional police inspectors. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*, 2013, no. 2, pp. 84–87.
2. Kharlamov V.S. Today's issues in the prevention of domestic violence by law enforcement bodies. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2012, no. 2, pp. 59–64.
3. Ocheredko V.P., Kharlamov V.S. Normative and legal regulation of counteraction to domestic violence in modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 3, pp. 129–133.
4. Atagimova E.I. Legal regulation of combating family and domestic violence in Russia and abroad: a comparative analysis. *Monitoring pravoprimereniya*, 2018, no. 2, pp. 49–53.
5. Voroshilova S.V., Muzykankina Yu.A. Decriminalization of beatings: old traditions and modern realities. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2019, no. 4, pp. 15–22.
6. Koretskiy D.A. Domestic violence as an element of domestic crime. *Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta*, 2020, no. 2, pp. 72–75.
7. Rachitskaya V.A. Administrative offenses in the field of domestic violence and problems of their prevention. *Viktinologiya*, 2020, no. 4, pp. 37–45.
8. Polikarpova E.V. Current problems in determining the statement criteria for preventional account of some

TACTICAL ASPECTS OF ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE OFFICERS ON THE PREVENTION OF WRONGS IN THE SPHERE OF FAMILY AND DOMESTIC RELATIONS

© 2021

A.N. Frolov, PhD (Law),

assistant professor of Chair of Professional Activity of Employees of Public Security Units

D.V. Sokolov, PhD (Law),

assistant professor of Chair of Professional Activity of Employees of Public Security Units

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod (Russia)

Keywords: family and domestic conflict; district police officer; family and domestic crimes; domestic violence.

Abstract: Currently, the prevention of family and domestic offenses is one of the priority areas of activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Poor-quality and untimely response of police officers to this type of offense, as well as heinous crimes, garnered media coverage, preceded by family conflicts, create a negative public opinion about the activities of the police and the state as a whole. This work deals with the improvement of the effectiveness of the work carried out by the internal affairs bodies to prevent and suppress the facts of family and domestic conflicts, including those accompanied by the violence against children and women. Within the framework of the research, the authors pay special attention to the concept of family and domestic offenses, the analysis of the causes and conditions of the occurrence of family and domestic offenses, legal foundations of regulating the liability in the sphere of family and domestic conflicts according to the laws of the constituent entities of the Russian Federation. The authors analyzed the main directions of prevention of domestic crimes and administrative violations by district police officers, identified tactical aspects of work with people registered with law enforcement agencies when executing preventive patrolling in an administrative area. The paper proposes a mechanism of involvement of the public and specific categories of citizens in the assistance to law enforcement agencies to timely domestic violations detection and suppression. Following the analysis, the authors conclude that the insurance of effective work on the eradication of considered negative social phenomenon is the patrolling in an administrative area, preventive conversations based on the study of a psychological maker of persons, their past, and basic personality characteristics, as well as on the awareness of their immediate environment and relations carrying both positive and negative connotation. The study shows that the issues of protection of family members' life and health against offenses should be solved holistically, in cooperation with other agencies and institutes of civil society.

НАШИ АВТОРЫ

Ангипова Наталья Фаритовна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

E-mail: angipowa@yandex.ru

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

E-mail: bobrovana@mail.ru

Бойко Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин.

Адрес: Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54.

E-mail: zahar-d95@yandex.ru

Власова Мария Алексеевна, аспирант Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

E-mail: MAZ80@yandex.ru

Гончаров Антон Алексеевич, аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии.

Адрес: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69.

E-mail: kuznecov@rsue.ru

Данилина Наиля Журабековна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

E-mail: nailyaaulabka@gmail.ru

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права.

Адрес: Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4.

E-mail: irf@rpa-mjust.ru

Позин Валерий Геннадьевич, аспирант Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

E-mail: vpozin@yandex.ru

Рамазанов Альберт Вильданович, кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Адрес: Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,

420108, Россия, г. Казань, ул. Магистральная, д. 35.

E-mail: rav_2009@mail.ru

Самойлов Павел Александрович, заместитель начальника отдела полиции № 21.

Адрес: Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Тольятти,

445039, Россия, г. Тольятти, ул. Дзержинского, д. 15.

E-mail: pavel-samojlov@yandex.ru

Соколов Дмитрий Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка.

Адрес: Нижегородская академия Министерства внутренних дел России,

603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

E-mail: sokolovdv@bk.ru

Фролов Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка.

Адрес: Нижегородская академия Министерства внутренних дел России,
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

E-mail: Lexa121578@yandex.ru

OUR AUTHORS

Angipova Natalia Faritovna, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: angipowa@yandex.ru

Bobrova Natalya Alekseevna, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”, honored lawyer of the Russian Federation.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: bobrovana@mail.ru

Boyko Aleksandr Ivanovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Chair of Criminal Disciplines.

Address: South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
344002, Russia, Rostov-on-Don, Pushkinskaya Street, 70/54.
E-mail: zahar-d95@yandex.ru

Danilina Nailya Zhurabekovna, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: nailyaulabka@gmail.ru

Frolov Aleksey Nikolaevich, PhD (Law), assistant professor of Chair of Professional Activity of Employees of Public Security Units.

Address: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse Street, 3.
E-mail: Lexa121578@yandex.ru

Goncharov Anton Alekseevich, postgraduate student of Chair of Criminal and Penal Law, Criminology.

Address: Rostov State University of Economics (RINH),
344002, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Street, 69.
E-mail: kuznecov@rsue.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Constitutional Law.

Address: Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), 664011, Russia, Irkutsk, Nekrasov Street, 4.
E-mail: irf@rpa-mjust.ru

Pozin Valeriy Gennadievich, postgraduate student of the Institute of Law.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: vpozin@yandex.ru

Ramazanov Albert Vildanovich, PhD (Economics), Associate Professor, senior lecturer of Chair of Civil-Legal Disciplines.

Address: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
420108, Russia, Kazan, Magistralnaya Street, 35.
E-mail: rav_2009@mail.ru

Samoylov Pavel Aleksandrovich, Deputy Head of Police Department No.21.

Address: Administration of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Togliatti,
445039, Russia, Togliatti, Dzerzhinsky Street, 15.
E-mail: pavel-samojlov@yandex.ru

Sokolov Dmitry Vyacheslavovich, PhD (Law), assistant professor of Chair of Professional Activity of Employees of Public Security Units.

Address: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse Street, 3.
E-mail: sokolovdv@bk.ru

Vlasova Maria Alekseevna, postgraduate student of the Institute of Law.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: MAZ80@yandex.ru